

**Сообщество профессиональных социологов
Факультет социологии Государственного университета—Высшей
школы экономики
Институт социологии РАН
Российский фонд фундаментальных исследований
Филиал Фонда имени Фридриха Эберта в РФ**

**КОНФЕРЕНЦИЯ
СООБЩЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ
«Социология в кризисном пространстве страны и мира»**

Материалы для обсуждения

5 декабря 2009 г. Факультет социологии ГУ-ВШЭ
Кочновский проезд, 3

Москва 2009

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Тихонов А.В.

Фрагментированность и интеграция социологического знания об управлении и выбор кумулятивной стратегии исследований

Проблема соотношения дифференциации и интеграции научного знания относится к области философии и методологии науки. Благодаря дифференциации, происходит расширение проблемного поля науки и ее углубление в отдельные предметные области. В социологии это проявляется во все возрастающем числе отраслевых дисциплин, в каждой из которых происходит дальнейшее раздробление проблемного поля по все новым и новым объектам. При этом нужно учесть и право авторов на полипарадигмальность подходов и методологический либерализм, что делает картину производства и распространения социологического знания труднообозримой.

Мы употребляем слово «фрагментация» вместо вроде бы подходящего понятия «дифференциация» по одной причине: естественный для науки процесс дифференциации и интеграции знаний рассматривается в философии и методологии науки только с когнитивных позиций. При этом не учитывается, на наш взгляд, не менее важный для науки аспект этого процесса – коммуникативный. Производство научного знания происходит не только в семантическом поле объектов, но и в социальном поле взаимодействий субъектов-производителей этих знаний, которые представляют собой сложную социальную механику отношений.

В социологии знания (Г. Шпинер) выделяется восемь социальных порядков знаний и только один из них, академический, имеет отношение к науке. Фрагментация знания означает закрепление его за отдельными авторами, школами, учреждениями и сообществами, а интеграция – не только обобщающие концепции, теории и методологии, но и способы организации пространства коммуникативного взаимодействия в научном сообществе. Поэтому в повестку дня всех социогуманитарных дисциплин постепенно входят проблемы разработки как когнитивной, так и коммуникативной методологии интеграции фрагментированного знания.

В Центре социологии управления и социальных технологий ИС РАН эта работа вылилась в четыре темы: 1. Тенденции фрагментации и интеграции знания в отечественном социологическом сообществе (исследование материалов и Интернет-опрос участников III Всероссийского социологического конгресса); 2) Методологическая организация социологических исследований по специальности 22.00.08 – социология управления (анализ кандидатских и докторских диссертаций); 3) Методологический анализ парадигм управленческого консалтинга в местном самоуправлении; 4) Разработка теоретико-толкового словаря по социологии управления.

Мы исходим из той предпосылки, что как во всем социологическом сообществе, так и в сообществе такой отраслевой дисциплины как социология управления, помимо положительных результатов, фрагментация приводит к накоплению непрочитанного, необсужденного и, в итоге, неиспользуемого знания,

что становится не только огорчением для авторов, но и транжирением интеллектуальных ресурсов для общества, нуждающегося в адекватном осмыслении происходящих в стране процессов, в упреждении неблагоприятных последствий решений, принимаемых органами власти и управления. Примерами непризнанного и неиспользуемого знания у нас являются актуальные до сих пор материалы исследований проблем организации и управления 60-70-х гг., проводившихся под руководством Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова, Н.А. Аитова, З.И. Файнбурга, В.И. Герчикова и многих других, а также вся проблематика и опыт социального планирования на уровне предприятий, городов и регионов, как и уникальные разработки по научной организации труда. Из западных работ из научной коммуникации выпадают интересные сейчас исследования неформальных групп в организациях Г. Саймона, Дж. Марча, А. Этциони и многих других. Участники конференции могут назвать немало и своих примеров такого рода. С сожалением можно констатировать, что и современные исследователи управления плохо знают работы своих коллег, среди которых есть оригинальные и выдающиеся достижения.

Р. Коллинз, специально изучавший проблему не используемого в социологии знания, выделил несколько причин этого явления: 1) сами специализированные исследовательские группы часто становятся барьерами в научной коммуникации. Они проявляют склонность не замечать или вовсе не признавать результаты исследований других авторов; 2) на практике исследователи больше реагируют на «парадигмальные бирки», чем на анализ обобщений, сделанных на основе надежных исследовательских данных; 3) существует и превратное понимание научной новизны, при котором вводятся «новые» понятия, не корреспондируемые с денотатами уже введенных другими авторами в научный оборот терминами. В итоге, одни и те же явления «открываются» многократно под разными маркерами.

Коммуникативная методология призвана уменьшить разрывы в научном общении, обеспечить реальное взаимодействие различных авторов, коллективов, школ путем более интенсивного обсуждения концепций, теорий разного уровня, методов и результатов исследований, однако инструментарий для их соотнесения пока не разработан, а «коммуникативные площадки» типа конгрессов и конференций мало приспособлены для этих целей.

На наш взгляд, нам самими следует договориться внутри сообществ о некоторых общих критериях накопления положительного знания, чтобы их можно было положить в основу кумулятивистской стратегии развития нашей отраслевой дисциплины. Таких критериев пять (Н.С. Розов): 1) социологическое суждение (вывод, обобщение) должно быть надежно подкреплено эмпирически, либо сопровождаться соответствующими оговорками; 2) такие суждения должны четко и недвусмысленно согласовываться с эксплицированными теориями, а сами теории содержать возможность их верификации; 3) суждения должны однозначно использоваться в последующих исследованиях, как, например, «паспортичка» в социологических анкетах; 4) они должны способствовать росту согласия в научном сообществе относительно однозначного использования термина; 5) в образовательном процессе, высказывая свое авторское мнение, обязателен акцент на общепринятое знание в конкретной предметной области.

Все это можно обсуждать, дополнять или изменять, но сам факт согласования позиций между исследователями проблем управления и

самоуправления относительно позитивного содержания знания позволит продвинуть нашу дисциплину в ее научном и прикладном статусах.

Радикальным шагом в этом направлении было бы проведение совместного исследовательского проекта, например, на тему «Адекватность отечественной системы управления и самоуправления решению задач инновационного развития». Особенностью проектного типа исследования является его ориентация на научное решение той или иной социальной проблемы и, в этом смысле, оно является проблемноориентированным. Под этим понимается не только описание и объяснение происходящих процессов, но и определение того, что мы хотим знать о возможностях управления ими и практического принятия решений. Проект хорош и тем, что имеет начало и конец, допускает координацию совместных действий и создает организованное коммуникативное пространство, используя принцип добровольности присоединения к нему на любой стадии разработки и реализации. Фрагментация социологического знания при проектной форме превращается в ее достоинство. Различия по парадигмальному критерию позволяют сформулировать альтернативные гипотезы, а расхождения по тематическим критериям и, тем более, по ценностным ориентациям, позволяет вносить содержательное разнообразие в рассмотрение сложных проблем управления в российском обществе. Региональная специфика исследования и местные проблемы могут быть учтены и вписаны в задачи метапроекта. Всем этим оправдывается само название «метапроект» как проект над проектами, который не ограничивает отдельные проекты, а направляет их работу в определенное русло, не являясь административной или ведомственной формой организации.

Лев Гудков

Почему нет теоретической социологии в России?

1

В последние годы среди российских социологов можно услышать странные жалобы на отсутствие у нас теоретической науки, время от времени кто-то задается не менее удивительными вопросами о том, каковы «условия ее возможности»¹, и что следовало бы понимать под общей теорией, связующей все уровни социального знания. На двусмысленность подобных lamentаций или риторических вопрошаний мало кто обращает внимание, еще реже на них следует какая-либо публичная реакция со стороны научного сообщества. Как и отчетные доклады об успехах отечественной науки, они постепенно становятся частью публичных ритуалов. Но я бы советовал отнестись к ним с большей серьезностью, поскольку, при всей своей сомнительности, они могут быть прочитаны как симптоматика скрытого хронического неблагополучия в социальных науках.

Совершенно очевидно, что вплоть до конца 90-х годов такие мысли не приходили кому-либо в голову. Сегодня большая часть исследовательской деятельности в социологии приобрела отчетливый характер рутины, общая социология теряет интерес общества к себе, а заодно и свой авторитет. Неясны или неопределенны не только общественные ожидания в отношении социальных

---

¹ См., например, программу XVI международного симпозиума "Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения", Московской высшей школой социальных и экономических наук (Москва, 23-24 января 2009 г.).

наук, но смутно и разнородно профессиональное самопонимание ученых и преподавателей, поскольку они ориентируются на разные референтные группы, разных социальных партнеров, ожидая от них признания своей деятельности и соответствующей материальной и организационной поддержки. Правильнее было бы сказать, что сегодня в России мы имеем дело с несколькими принципиально отличающимися друг от друга типами организации социальной науки или даже разными типами самого института науки, что отражает одновременное существование социальных структур, нуждающихся в социальном знании разного типа. Это означает, что трансформационные процессы в российском обществе (или точнее – медленно идущее разложение институциональной системы советского общества) вызывают синхронное функционирование научных коллективов, имеющих разную социальную природу и происхождение, принципиально разные источники и механизмы обеспечения и вознаграждения своей деятельности.

Поэтому вопрос о судьбе «теории» раз за разом повисает в воздухе, не получая ответа.

Подобные проблемы рождаются из двух источников. Во-первых, это видимая популярность массовых опросов в России, идентифицируемых общественностью и властями с «социологией» (ставшей, за редким исключением, к тому же частью политтехнологической работы или пропаганды действующего режима). Она не может не вызывать раздражения и сопротивления у многих представителей академической или университетской фракции этой дисциплины, особенно у тех, кто как-то прикоснулся к миру сложных идей. Уровень интерпретаций, обычный для массовых социологических исследований, мало кого может удовлетворить, кроме самих социологов – их авторов. Российская социология едва-едва поднимается над общим уровнем массовых предрассудков и коллективных банальностей. И нет ничего удивительного в том, что те, кто-то хотел бы заслужить авторитет, стремятся предложить публике свое более глубокое и тонкое понимание реальности, свои определения (конструкции) происходящего. Дело за малым – за самими интерпретациями.

Второе. Многие из тех, кто говорят об отсутствии теории, хотели бы заниматься чистой «деидеологизированной», наукой, высокой теорией, свободной от любой политической или социальной предвзятости, как от советского прошлого, так и от условного общественно-политического «либерализма». Их отталкивает не столько характер общего потока исследований, сколько специфическая ценностная нагрузка, «ангажированность» исследований, которые велись, как в старых, еще советских академических институтах или университетах, так и в некоторых новых, постсоветских научных организациях, например, в старом ВЦИОМе, сегодня это Левада-центр. К такой ангажированности социологической деятельности эти представители академического сообщества относятся явно негативно. Причем раздражение вызывает именно определенность ценностной позиции, за которой усматривается моральная определенность, принимающая форму интереса к большим социальным проблемам, включая и прошлое родного отечества, а значит, и чувство личной ответственности за свою работу как профессионала.²

---

² Принцип «свободы от ценностей» обычно понимается самым плоским образом: как позицию «ценностной нейтральности» ученого, то есть как воздержание от оценок, что якобы гарантирует объективность познания. Это заблуждение, распространенное благодаря американским учебникам, радикально расходится с пониманием самого М.Вебера. Вебер проводил различие между «оценками» или практическими оценочными суждениями (Werturteilen, praktischen Bewertungen) и теоретической

Отношение к задачам обслуживания «лиц, принимающих решений» другое, более спокойное, поскольку дело это привычное, и здесь нужно все лишь «не суетиться под клиентом». Но все равно, многим хотелось бы быть «теоретически чистыми» и от того, и от этого.

Формально неприятие ценностных оснований такой научной деятельности принимает вид критической оценки устаревшего концептуального аппарата или методологических подходов. Отвергая их, нынешние отечественные «постмодернисты», выступающие за пересмотр теоретических, методологических и эпистемологических оснований отечественных (вряд ли – мировых) социальных наук претендуют на смену образцов исследовательской работы. Поскольку те, кто выдвигают обозначенные претензии, уже не очень молодые преподаватели, понятна их озабоченность своим статусом в академической и университетской среде.

Таким образом, ответы на вопрос о том, почему в России нет теоретической социологии, следует искать и в особенностях институциональной организации науки в стране (в нашем случае: организации исследований и характера преподавания в социальных науках), и в ценностных основаниях знания, и в этике профессионального сообщества, разные части которого по-разному представляют себе культурные вызовы времени и национальные интересы. Главная трудность развития социальных наук в России состоит даже не в существовании внутренних барьеров, препятствующих освоению потенциала современной социологии или политологии, закрытости российских ученых от того, что делалось на Западе в 30-70 годы, а в неразвитости или слабости самого российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании или интерпретациях происходящего. Скептик сказал бы – таковы характер и качество этого знания, что им мало интересуются. Такое суждение было бы справедливым, но лишь отчасти, потому что какой-то спрос на интеллектуальную продукцию социальных наук в России все же существует. Весь вопрос – какой и у кого? Ценностная значимость любого смыслового производства определяется в горизонте соответствующих идеальных ожиданий других людей, на которые явно или неявно отвечает ученый или поэт (что и составляет пространство его внутренней свободы). Поэтому я подчеркиваю: речь идет не о равнодушии, а о *дегенерации* сферы публичности, то есть об отсутствии таких институтов, как публичные дискуссии или политическое и гражданское участие, а соответственно – предъявлении спроса на знание или интерпретации происходящего другого

процедурой «отнесения к ценности» (Wertbeziehung), значение которой он осознал благодаря работам Г.Риккерт. Теоретический интерес является важнейшей составной частью образования рабочих понятий исследователя, поскольку задает основания для отбора материала, различения значимого и незначимого. Ценностные идеи не только указывают выделяемые содержательные обстоятельства, подлежащие описанию и анализу, но и указывают направление поиска каузального или иного объяснения. «Трансцендентальной предпосылкой всякой науки о культуре является не то, что мы определенную, или вообще какую-либо «культуру» находим ценной, а то, что мы – культурные люди, одарены способностью и волей сознательно занимать позицию по отношению к миру и наделять его смыслом» (Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968, S.180). «Отсутствие убеждения» и научная «объективность» не имеют между собой ничего общего» (с.157). К занятиям чистой теорией (или в его языке – «методологией») Вебер относился резко отрицательно, называя их «методологической чумой». Подробнее о принципах веберовской методологии см.: Schelting A. v. Max Webers Wissenschaftslehre. Das logische Problem der historischen Kulturerkenntnis: Die Grenze der Soziologie des Wissens. Tübingen, 1934; Tenbruck F.H. Das Werk Max Weber // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Opladen, 1975, Jg.27, H.4, S.663-699; Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М.: Русина, 1994, с. 69-135.

качества. Слабость рефлексии отечественных аналитиков по поводу происходящего в стране, в науке, в мире не случайна. Социология, как известно, рождается из «духа общества», а «общество» (Gesellschaft, society) – это не масса населения, как у нас часто полагается, а особый тип социального образования - ассоциации, основанной на отношениях взаимной солидарности или совместных интересах ее членов, а значит – лишенной властного измерения, принудительной интеграции.³

2

«Большие проблемы» предполагают специфический аппарат интерпретации – язык институциональных систем, длительных массовых процессов, социальный уровень рассмотрения проблематики изменения и проч. Напротив, сторонники постмодернистской ревизии социологии предпочитают (точнее – декларируют) методические подходы микросоциологии – анализ практик, фреймов, этнометодологические приемы, «качественные методы», позволяющих избегать больших обобщений и теоретических абстракций, тем более, как им кажется, оценок или ценностных суждений, которые они иногда отождествляют - и не без оснований - с публицистикой.

Сказать, чтобы в российских социальных науках были заметны хоть какие-то признаки интереса к теоретико-методологической проблематике социального познания, нельзя хотя бы уже потому, что до сих пор не было ни сколько-нибудь значительных обзорных работ, ни серьезных дискуссий, в которых бы анализировались *парадигмальные противоречия* интерпретации получаемых отечественными социологами данных. Есть заметные расхождения в политико-идеологических установках социологов, но не в технике или характере предметных объяснений, поскольку никаких собственных теоретических или методологических идей у сторонников государственнической науки не возникает, и возникать не может. Для дискуссии о дифференциации теоретических школ и методологических подходов нужны в первую очередь сами эти школы и подходы, производящие оригинальные предметные и эмпирические знания, признаков которых пока не видно.⁴

Никаких принципиальных открытий не видно как со стороны, условно говоря, «СОЦИСа», так и со стороны тех, кто давно выступает с постмодернистскими манифестациями, хотя запоминающиеся работы, безусловно, есть.

Новые методы появляются, как известно, в форме «открытий», то есть описаний ранее неизвестного материала или нового описания известного материала, рассмотренного с «неожиданной» стороны. Открытия предполагают

---

³ См., например, значение идеи «общества» для социологии Г.Зимеля: Schrader-Kleber K. Der Begriff der Gesellschaft als regulative Idee: Zur transzendentalen Begründung der Soziologie bei Georg Simmel // Soziale Welt, Göttingen, 1968, Jg.19, H.2, S.97-118.

⁴ Первым проявлением потребности в прояснении парадигмальных коллизий был бы рост интереса к философии науки, важность которой для теоретической работы в социологии невозможно переоценить, поскольку только философия в состоянии поставить вопросы смысла и границ познания. Но в России по многим причинам не может быть оригинальной философии, связанной с теорией социального знания.

смену ценностной перспективы рассмотрения материала, «новую» конституцию «предмета». Но для этого нужны «убеждения, «образ мыслей» (по-веберовски: *Gesinnung*), кристаллизацией которых и являются «ценности», а стало быть, и особая заинтересованность в реальности, что не может быть предметом обучения или институциональных конвенций. Сложность заключается в том, что **сами теории не являются нейтральными словарями и парадигмами**, их использование подчинено логике институционального поведения в науке, с одной стороны, и познавательного (ценностного) интереса, с другой. Соответственно, анализ теоретических средств вынужден принимать во внимание не только то, как согласуются в процессе исследования языки разных научных сфер, предметных регионов («практик»), но как при этом применяются специфические языки описания, чем они отличаются от языков объяснения (генерализованных концептуальных препаратов, чистых конструкций), как последние используются (применительно к эмпирическому материалу, то есть специально уже препарированному, описанному в выделенной перспективе фактическому массиву данных социальных взаимодействий или социального поведения), а также – каковы сами правила отбора различных самих языков – теорий, концепций и т.п.

Теоретических дискуссий в российской социологии нет, потому что нет теоретической работы в отечественной социологии (равно как и в других гуманитарных дисциплинах).⁵ Более того, следует сказать, что такая работа *скорее нежелательна* для большинства занятых в этих сферах.⁶ То, что сегодня у нас идет под рубрикой «теоретическая социология», является довольно произвольным по отбору материала пересказом чужих слов и идей, в адекватности которого часто стоит сомневаться. Разумеется, среди многих статей на эти темы почти всегда можно найти работы серьезных авторов, как правило, давно занимающихся историей социологии или преподаванием иной гуманитарной дисциплины. Достигнутое наиболее удачно работающими авторами не воспроизводится, не аккумулируется в общих приемах исследовательской работы (будь-то эмпирические разработки или история социальной мысли). Они остаются частными достижениями отдельных ученых или авторов, а это указывает на отсутствие или слабость в наших науках механизмов селекции достижений в практике конкретных разработок, неэффективность системы отбора и признания подобных достижений, а стало быть – незначимость внутриинституциональных принципов гратификации и оценки продуктивной работы, имманентных для самого института, его внутренней конституции.

---

⁵ Редкие исключения лишь подтверждают общие заключения.

⁶ Я не собираюсь давать обзор различных «направлений и школ» в отечественной социологии, и не столько потому, что это дело самостоятельной работы, сколько потому, что их реально нет. Есть по-разному работающие исследователи или даже отдельные группы ученых, есть центры, практикующие какой-то один набор методических приемов в описании ограниченного круга предметных тем. Но они не образуют воспроизводящихся направлений в науке и тем более – не тянут на статус оригинальной школы или хотя заимствованной парадигмы в науке. В практике исследований, как и в целом в российской социологии, господствует безнадежная эклектика и приземленность в понимании собранного или анализируемого материала. Недавний III-й ВСК лишь подтвердил подобное умозаключение. Если посмотреть на то, что подается под названием «теоретической социологии» то мы увидим, что на 9/10 эти пухлые сборники представляют собой ридер-дайжесты, содержащие, без какой-либо аналитической интерпретации или разбора, фрагменты переводов работ западных авторов, никак не связанных с проблематикой актуальных исследований российского социума. Предназначены они студентам или молодым преподавателям в качестве иллюстративного материала или цитатников в рамках соответствующих университетских курсов.

А пока что нет никаких признаков учета этого движения к реальности, к пониманию сложности и гетерогенности социокультурной материи социологией (это был бы первый признак собственно теоретической работы), нет самого интереса к реальности. Рассуждения о «необходимости теории» в социологии или шире – в социальных науках оказываются суррогатами моральных и ценностных самоопределений, попытками привстать на цыпочки, показывая, что мы уже большие, и разыграть спектакль «сцены настоящей науки». Не только нет интереса к собственно теоретической работе или нет соответствующей квалификации у тех, кто претендует на занятия теорией, но нет (и это, пожалуй, самое главное) интеллектуальной среды, которая могла бы воспринимать новые идеи, не говоря уже о том, чтобы их систематически вырабатывать.

Такое положение в отечественной науке не просто не случайно, оно представляет собой особенность ее внутренней организации.

Признаками того, что у нас нет потребности в теории, я считаю отсутствие дискуссий, прежде всего, по расходящимся интерпретациям одних и тех же данных, одних и тех же подходов, описаний, обсуждений корректности использования тех или иных предметов описания и прочее.⁷

Можно спорить о том, стала ли лучше в последние 15-20 лет ситуация в этом плане или хуже, или она вообще не изменилась. Первый вопрос здесь: с чем сравнивать и как оценивать. Если сравнивать ситуацию в социальных науках с советскими временами, то, несомненно, мы должны отмечать явное расширение масштабов исследовательской работы, разнообразие ее тематики, появление новой литературы, повышение методического и технического уровня эмпирических исследований и т.п. Однако я бы отметил и очевидные проявления внутренней деградации, характеризующие состояние дисциплины в последние годы и связанные, на мой взгляд, с утратой чрезвычайно важных ценностных моментов исследовательской работы, изменениями мотивации познавательной деятельности. Поэтому сравнивать нынешнее положение нужно не только с предшествующей фазой, а с уровнем «должного», с тем пониманием теоретической работы, которое присутствовало у отцов основателей нынешней отечественной социологии (И.С.Кона⁸, Б.А.Грушина, Ю.А.Левады, В.А.Ядова, то есть людьми, реально погруженными в практику исследований), с «идеальным» представлением о теории, пониманием, для чего она нужна, как связана с корректной, серьезной исследовательской работой.⁹

---

⁷ Единственным исключением можно считать исследования общественного мнения, в частности, проблемы изучения электорального поведения, где ангажированность участников весьма высока, а поле расхождений в интерпретациях (несмотря на значительное сходство получаемых данных разными центрами или, напротив, как раз именно поэтому).

⁸ Это тема прозвучала в недавнем очень интересном интервью И.С.Кона с Л.Борусяк: <http://www.polit.ru/analytics/2009/01/20/kon.html>

⁹ При всей ограниченности условий и возможностей для социологической работы в советское время, ее внутренний смысл для некоторых из тех, кого мы сегодня относим к поколению отцов-основателей, был в полной мере определен стремление к личностной эмансипации, к утверждению собственной свободы, личностного достоинства, которые непосредственно связано с качеством и широтой познавательной деятельности. Соответственно, сама социологическая работа (при условии интеллектуальной порядочности) неизбежно окрашивалась в тона сопротивления тупому и репрессивному окружению. Понять тоталитарный социум означало (хотя бы в перспективе, в модусе отдаленной возможности) изменить существующее общество. Это та ценностная или этическая составляющая, которой начисто лишены молодые эпигоны постмодернизма и присутствие которой у людей старшего поколения так раздражает их.

Мне уже приходилось отмечать порочность распространенной практики прямого заимствования понятий или концепций западных социальных наук и их механического приложения к российской реальности.¹⁰ Надо менять характер освоения этого ресурса. Сегодня чаще используются «слова», оказывающиеся всего лишь ярлычками приобщенности к современному состоянию (знаками нормы, интеллектуальной моды на то, что сегодня носят в Европе или в Америке), но за рамками понимания остаются сам генезис этих понятий или их функциональный смысл, драматический характер процедур образования новых теоретических понятий, то, как появляется на свет научная «проблема», какими средствами она фиксируется, в какой концептуальной перспективе разрабатывается, какие возможности открываются с выбором именно такого-то аппарата, а что при этом неизбежно теряется, что может быть компенсировано или дополнено обращением к альтернативному подходу и т.п.

Обсуждение или анализ эффективности понятия можно вести только при условии ясного понимания, в ответ на какую социальную или культурную, интеллектуальную коллизию, исследовательскую задачу, выработано соответствующее понятие или термин, какой у него ценностный или идеологический «бэкграунд», как оно связано с историческими, культурными, групповыми или политическими интересами, каковы его функциональные возможности (генерализационные, модальные, идеографические), его смысловые ресурсы (ассоциативный ряд) и проч. Если бы это имело бы у нас место, то есть началась бы серьезная теоретико-методологическая дискуссия по каким-то вполне содержательным проблемам социального знания, то, я уверен, были бы задействованы не последние по времени публикации, с которыми ознакомились те, кто учился или стажировался в зарубежных университетах и вынес оттуда то, что там на тот момент было актуальным, а гораздо более ранние пласты социологической работы, ресурсы основного корпуса позитивного социологического знания (сложившегося в 1930-60-х годах), сегодня остающегося по существу мало известным у нас. Чтобы обсуждать продуктивность научных понятий, необходима история этих понятий, история соответствующих концептуальных разработок, то есть динамика смысловых трансформаций научных понятий на разных фазах работы. Ничего экзотического в таком подходе нет, сошлюсь в качестве примера на соответствующие анализы такого ключевого понятия, как «тоталитаризм», потребовавшие длительных дискуссий в среде историков, социологов и политологов.

Подобных разработок в российской социологии нет. В результате мы в нашей литературе сталкиваемся с массой, по существу, то есть по функции, оценочных понятий, остающихся в предметном смысле фантомами, понятиями с неясным эмпирическим референтом («средний класс», «гражданское» или «сетевое» общество и прочее). Попытки начать «дискуссию о методах» (например: что лучше - «фреймы» или «практики», качественные или

---

¹⁰ Гудков Л. О положении социальных наук в России // *Новое литературное обозрение*, 2007, №1 (77), с.314-339; Он же. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // *Пути России: проблемы социального познания*. М., Интерцентр, 2006, с.26-38; Он же. Неклассические задачи социологии: «культура» и мораль посттоталитарного общества // *Пути России: культура – общество – человек*. Материалы Международного симпозиума (25-26 января 2008 года). М., Логос, 2008, с. 19-38.

количественные методы, структурный функционализм или постмодернизм) вне контекста отечественных разработок могут быть лишь имитацией профессиональной деятельности.

Апелляция к тому, что сегодня в России называется «теоретическими проблемами социологии», имеет совершенно другой смысл и функциональное назначение, нежели в западной социологии. Там речь идет о рационализации средств и оснований познавательной деятельности. Здесь призывы такого рода связаны с дефицитом средств и оснований профессиональной идентификации (отчасти – дефицитом специфически академической гратификации), в основе которых также неявно лежат проблемы ценностного самоопределения и мотивации научной работы, выбора объекта исследования и соответствующих средств анализа. Истощенность ценностной сферы, за символы которой идет жестокая конкуренция в образованной среде, смысловая, нравственная и культурная бедность общества, оставшаяся от тоталитаризма, – вопрос чрезвычайно чувствительный как для общества в целом, так и для такого зависимого от этих вещей института как наука, прежде всего, социальная наука.

3

Почему, собственно, в России нет запроса на теоретическую работу? Признание важности теоретической работы, значимости теории в социальных или социально-гуманитарных науках складывается, по меньшей мере, из трех источников. Во-первых, теория (генерализующая концепция) дает объяснение целого ряда темных мест в социальной жизни, то есть оказывается не просто средством описания действительности, а принципом ее понимания, объяснения того, что происходит в обществе, в истории, в самом человеке. Это важнейшая функция социального знания, предназначенного для общества, для публичной рефлексии. Социология – это прежде всего герменевтическая проблема, *проблема смысловой интерпретации реальности*, включая и осмысление положения человека в мире (или «наделения» реальности смыслом). Социальные науки нужны обществу для его самопонимания.

Подобные широкие схемы интерпретации множества явлений действительности, охватываемой данной схемой, становятся фазами самоконституции общества, если говорить о социальных науках, или фазами самоконституции дисциплин, дающих предметные конструкции целых областей знания, «предметных регионов». Их появление представляет собой концентрированный ответ на ценностные коллизии, существующие в обществе. Познавательный интерес, требующий появления подобных теорий большого класса, мотивирован, как говорил Вебер, «бегущим светом великих культурных проблем». Таковы теории рационализации, современности, модернизации, теории личности и им подобные социетальные или антропологические конструкции, включая идеи культуры, истории и проч.

В зависимости от степени генерализации объяснения теория может играть роль «черного ящика», когда в ее структуре свернуты множество факторов и схем взаимосвязей, процессов, или нормативной смысловой конструкции «социального действия» (института, группы и проч.). Специфика «социологии как науки о действительности» вытекает из ее методологической установки: социология это наука, предмет которой составляют структуры социального взаимодействия, предполагающие, следовательно, акты понимания действующими друг друга.

Именно сфера понимаемого является границей социального, а механизмы понимания (ресурсы «культуры») – тем минимумом дисциплинарной «онтологии», базовых конвенциональных конструкций дисциплинарной реальности, без которых не может обходиться ни одна наука. Другими словами, социология - это наука, в которой процесс теоретизирования исходит (логически первично) из актов субъективного смыслового полагания. Такая посылка устанавливает принцип элиминации всего, что находится за рамками понимаемого, - никакой метафизики, никакой априорной реальности. Но отделение значимого от незначимого и важного в каких-то отношениях, интересного для исследователя материала обеспечивается исключительно личностным познавательным интересом ученого, его собственным субъективным отношением к происходящему. Способность «быть заинтересованным», таким образом, сама по себе – уже характеристика весьма развитой субъективности, возникающей только в условиях интенсивной социальной и культурной дифференциации. В познавательном ценностном интересе трансформированы внутренние личностные коллизии и заботы, моральные, групповые, идеологические, экзистенциальные проблемы. Это вовсе не «естественная» или спонтанно возникающая характеристика личности или общества, каких-то его групп. Готовность «загораться» чем-то, что не связано с непосредственным удовлетворением желания, - продукт длительного культивирования и самовоспитания, самодисциплинирования, требующего сложной системы институциональных и групповых санкций (в том числе – длительной религиозной, гражданской, политической, экономической и прочей социализации).

Способность со страстью относиться к действительности, а соответственно, наделять происходящее смыслом и значением, то есть видеть в науке способ обращения с реальностью, – вещь столь же индивидуальная (и редкая у нас), как и способность к любви, но именно поэтому она так высоко ценится в европейском обществе и культуре. Новые точки зрения на реальность, новый интерес к ней, потребность в новых объяснениях и понимании материала могут появляться только как ответ на собственные жизненные, личностные или экзистенциальные проблемы исследователя. Такого рода значения образуют ценностные основания дисциплины, подчеркиваю, - не аксиоматические, а именно ценностные, соединяющие культурные проблемы и познавательные средства и инструменты, то есть то, что составляет внутренний этос автономной науки. Поэтому мотивация познания непосредственно связана с принципами институциональной организации науки. Только там, где есть или где гарантирована автономия науки, независимость ее от внешних регуляций, где выражен субъективный интерес исследователя, возникает внутренняя потребность в понимании и готовность к постижению реальности, выливающаяся в разработку генерализованных средств ее объяснения. Эпигон же – это всегда имитатор чужой страсти.

Это первая плоскость вопросов о том, как возникает спрос на теоретическое знание.

Второе условие рождения спроса на теоретико-методологический анализ или причина появления новых теорий, - столкновение парадигм (теорий и подходов), предложенных или разработанных в рамках различных подходов и школ. Подобные коллизии заставляют пересматривать методы и базовые посылки общепринятых систем объяснения, конструкций фактов и принципов оценки их достоверности, надежности, валидности, корректности интерпретаций, требуют

анализировать генезис тех или иных теоретико-методологических процедур, характер установления связности, причинности и т.п. функциональных отношений объяснения. Необязательно это должно сопровождаться научными революциями в духе Т.Куна, И.Лакатоса и т.п. Это может быть рутинная методическая работа самоконтроля проделанных объяснений и процедур получения данных, рефлексия относительно адекватности применяемых мер, подходов и способов объяснения. Нахождение новых принципов объяснения, снимающих одномерности прежних теоретических конструкций, оказывается в таких ситуациях нормальным решением постоянно возникающих в научной практике вопросов интерпретации, а сам разбор понятийных конструкций, их генезиса или границ генерализации – реакцией на социальные ожидания различных участников научного процесса.¹¹

И, наконец, третья плоскость рассмотрения или третий тип причин обращения к теории, возникающий из второго, - это само устройство науки как института, в рамках которого постоянно работает репродуктивная подсистема, включающая механизмы «памяти» института и социализации новых членов сообщества, а стало быть, идет непрерывная селекция и отбор значимого и проверенного знания, признанного в качестве бесспорных научных результатов, в качестве «образца» для «исторической упаковки» и примеров для преподавания, для профессионального обучения следующего поколения. По отношению к преподаванию здесь работают механизмы формализации знания, подчиняющиеся принципам объяснения функционирования института. По отношению к «истории» теоретическая и методологическая рефлексия направлена иначе: она ориентируется на выявление скрытых посылок и условий познавательных процедур, латентного знания, общекультурных импликаций в корпус специализированных знаний, перенос социальных ожиданий и требований в научные процедуры и прочее.

Суммируя, я бы сказал, что смысл и назначение теоретического знания заключается в следующем. Общая теория служит не для описания реальности, а для систематизации и упорядочения способов корректного (то есть принятого и одобряемого в академической среде) соединения концептуальных систем (разных «теоретических языков»). Ее назначение – дать возможность исследовательскому сообществу контролировать, то есть проверять, сами способы, которыми соединяются в единое синтетическое целое - объясненную «реальность» - различные его элементы, теоретические понятия, имеющие *разное* происхождение, *разный в методологическом плане генезис*. Это нужно, прежде всего, для того, чтобы а) избежать «диалектических мнимостей», когда объясняемое и объясняющее содержат одни и те же компоненты, описывается лишь то, что объясняется средствами описания; б) определить эффективность концептуального синтеза (устойчивость процедур, генерализационный потенциал).

Соответственно, критика результативности объяснения начинается с проверки условий введения понятийных элементов базовой концепции, используемой для описания (отбора таксономических единиц) или объяснения (установления причинно-следственных или функциональных связей и их

---

¹¹ В принципе здесь возможно два направления теоретической работы: первое – разработка единого дисциплинарного языка описания и объяснения, «общая теория» (какой ее видел, например, Т.Парсонс или Н.Луман), а второе, прямо противоположное направление работы – методологический и генетический анализ практики эмпирической работы, изучение того, как в ходе черновой эмпирической работы происходит использование языка разных теорий, разных концепций, часто принадлежащих разным предметным регионам, разных пластов научной культуры.

конструкций). Поскольку и отбор материала, и способ интерпретации заданы не *онтологически*, то есть какой-то априорной картинкой реальности (в социологическом отношении это означает – обеспечены интеллектуальными или социальными догмами, предрассудками, жесткими групповыми конвенциями держателей нормы реальности), а мотивированы специфическим ценностным интересом исследователя, его субъективным выбором соответствующих предметных теорий и концепций в качестве средств объяснения, то одной из важнейших задач теоретической работы всегда оказывается выявление функциональной роли ценностей исследователя и истории формирования понятий – инструментов описания и объяснения. Речь при этом идет о необходимости различения практических оценок и конститутивной роли ценностей, познавательного, ценностного интереса ученого, отделяющего важное от неважного, незначимого. Иными словами, смысл теоретической – постоянной, черновой – работы заключается в контроле условий введения предметной теории и правил ее использования для *определенных* исследователем задач аналитической работы. В самой теории не содержатся правила ее построения (= ее генезис), а лишь правила (нормы, социальные конвенции) ее использования в качестве либо препарированного и методически контролируемого описания, либо, опять же, методически строгого объяснения (параметров генерализации или установления функциональных связей между элементами рассматриваемых конструкций).

Практическое же назначение теории состоит в «опускании» промежуточных фаз или цепочек рассуждения, исследования, обусловленное задачами методологической проверки корректности рассуждения. Это то свойство, что называется «красотой», или «экономностью» теории или концепции.

4

Как бы значительны ни были изменения за 20 лет, прошедшие с распада СССР, институциональная организация академической (в том числе – университетской) науки в нашей стране изменилась несущественно. Расширился диапазон организационных форм исследовательской деятельности, но мейнстрим социальных наук по-прежнему представлен рутинной продукцией академических институтов и ведущих университетов. Главное, что они по-прежнему не обладают институциональной автономией, и такое положение в обозримом будущем вряд ли изменится. Академические институты и университеты подчинены государству, финансируются из бюджета, планы их работы контролируются соответствующими инстанциями, задающими направление и цели научной работы. Как и в советское время, доминирующая мотивация исследований здесь обусловлена интересами тех, кто представляет власть, основное назначение науки – это обслуживание сегодняшних интересов властей. Поэтому все планы научной работы, общая направленность и характер преподавания заданы ориентацией на тех, кто стоит у власти или представляет ее «интересы», на сформулированные или предполагаемые запросы. Адаптация постановки проблем, приспособление исследовательской работы к видению действительности лицами, располагающими властью, деньгами, административными ресурсами, оказывается более важным фактором, нежели концептуальные ресурсы самой дисциплины. «Этос» государственной сервильности в постсоветской российской социологии определяет институциональные каноны исследовательской работы. Организационные формы научной деятельности в этом плане могут несколько

отличаться друг от друга, равно как и сами формулировки задач, но функция и суть их остается примерно той же самой: необходимость обеспечения эффективности государственного управления. Такая «социология» включена в состав информационного обеспечения бюрократии и политтехнологической машины обработки общественного мнения, ее задачи ограничены технологией сбора социальной информации, а использование последней и толкование полученных результатов отдано начальству или тем, кто ему исправно служит. Примечательно, что именно такая форма и проектировалась в середине 1960-х годов советским начальством: допустимы только методика и техника социальных исследований, а интерпретация (=общая социология) должна оставаться за истматом, то есть партийно-идеологическими инстанциями. Но, опять-таки добавлю, этому же преимущественно учат и в лучших российских университетах, а именно: технике обработки и статистического анализа данных.¹²

Производство знания, как и в советское время, ориентировано на практические интересы номенклатурного или заменяющего его руководства, которое выступает и главным оценщиком достоверности знания, его фальсификации, верификации, оправдания и т.п. Собственные научные критерии исследовательской деятельности здесь не работают или выражены очень слабо, внутренние проблемы науки также не важны; имеют значение только внешние, экстранаучные, экстраинституциональные критерии знания и его производства. Поэтому и сегодня для основной части занятых в социологии, то есть внутри самого института науки, приоритетны главным образом вертикальные связи, включая и вертикальный характер финансирования, сертификации кадров и их подбора, структуры авторитетов, тематики исследований и механизмов академического признания. А это означает, что отсутствуют или малозначимы механизмы внутрикорпоративной организации, внутрикорпоративные оценки деятельности работы ученых, оценки их достижения, соответственно, оценки применяемых инструментов, процедуры проверки адекватности полученных результатов и всего прочего.

В результате – нет научных дискуссий, обсуждения полученных результатов, нет публичного рецензирования, полемики, нет той принципиальной избыточности информации, которая так необходима для функционирования «нормальной науки». И такое положение оказывается вполне объяснимым и закономерным. Они не нужны, поскольку не возникает проблемы конфликта интерпретаций¹³, обусловленных разными познавательными интересами и средствами объяснения. Раз действует практика вертикального согласования полученных результатов (или ориентация на нее), то внутренних импульсов дискуссии по поводу расходящихся трактовок в такой ситуации практически и не может возникнуть. Проблема интерпретации получает исключительно нормативный характер, поскольку ее характер, направленность и сами стандарты контролируются интересами власти и управления.¹⁴

---

¹² Разумеется, эти задачи могут быть дополнены преподаванием разного рода курсов, обеспечивающих студента ресурсами профессиональной квалификации – знанием маркетинговых технологий, пиара, теорий организаций и менеджмента и прочего, всего, что сегодня требуют управляемый рынок и суверенная демократия.

¹³ Как говорил один из политтехнологов, приписанных к президентской администрации, «нам не нужны ваши интерпретации, нам нужны данные, а интерпретировать мы сами будем».

¹⁴ Лучшим примером здесь являются разногласия по поводу наличия и размеров «среднего класса» в России. Никем не осознается, что когда в отечественную практику, в отечественное преподавание, в

Но по тем же причинам и преподаваемая история социальных дисциплин оказывается никак не связанной с историей исследований.¹⁵ Это два разных и не пересекающихся друг с другом потока текстов. В итоге мы имеем дело с сохраняющимся «изоморфизмом» воспроизводства академической серости (бедности научных интерпретаций) и беспринципности научного сообщества, авторитарным режимом и стерильностью академической социологии.

Разумеется, можно найти исключения из этого общего правила, но они будут иметь индивидуальный, а не институциональный характер: импульсы, которые толкают некоторых исследователей заниматься теоретическими вещами, все-таки существуют, однако их положение всегда будет положением маргиналов, вытесненных на периферию общественного внимания и интереса коллег. Или, другими словами, ценности знания и когнитивные конвенции постсоветского российского академического сообщества *периферийны* для научных организаций этого типа.

Впрочем, такое положение вещей мало кого волнует, поскольку, как я уже говорил, проблема верификации или фальсификации результатов исследования, значимости получаемых объяснений не так важна в существующих институциональных контекстах, как демонстрация знаков «научности», в качестве которых и используются западные имена или термины. Функция такого использования западных имен, западных подходов – преимущественно демонстративная, идентификационная. Западная социология используется не как «библиотека» исследовательского опыта, а либо как арсенал готовых отмычек для решения стандартных – по умолчанию – проблем социальной реальности, либо как кормовые участки для тех, кто занимается «теорией социологии» или «историей социологии». Ссылки на западных ученых в большинстве статей отечественных авторов – это не нормальная процедура отсылки к уже апробированной кем-то методике или высказанной гипотезе, отсылка к уже проделанной работе, а значок собственной «квалифицированности», символ доступа к ограниченным для многих ресурсам, поскольку цитируются не рабочие тексты, а указываются авторитеты, которые должны подтвердить или сертифицировать «профессиональное» качество соответствующего автора. Повышенная семиотическая значимость этого цитирования, не имеющая отношения к проверке гипотез или полученным

отечественные исследования переносится западный материал, западные подходы, западные идеи, то этот материал вырывается из контекста их возникновения и разработки. Походы или концепции привносятся сюда как нечто, совершенно готовое, чужое, абстрактно-отвлеченное, или напротив, использование западных понятий и терминов тянет за собой латентный и плохо учитываемый пласт оценочных значений. Тем самым при работе с ними, при отождествлении понятий и реальности в наших обстоятельствах возникает эффект ложного опознания, последствиями которого становятся неадекватное применение понятия.

¹⁵ Этим объясняется, в частности, и принципиальный для отечественной организации науки разрыв между практикой преподаванием и исследовательской работой. Разработка теорий связана преимущественно с историческим характером преподнесения материала западных концепций в учебных курсах (в европейских или американских университетах эти сферы более или менее соединены в одно целое). Поэтому даже вполне адекватные и серьезные аналитические работы по изложению концепций того или иного западного автора представляют собой не более чем пересказ его идей, данных вне учета проблемной ситуации, в которой они возникли.

достоверным результатам, указывает на церемониальный характер научной деятельности, что ставит под сомнение сам ее смысл.

Главная проблема российских социальных наук заключается в бедности ее ценностных оснований, которая задается институциональными формами ее организации, соответственно, систематическим подбором людей или их принуждением и «обкатыванием». В поле внимания российских социологов оказываются главным образом те аспекты человеческого существования, которые релевантны в каких-то отношениях для задач «управления», интересов государственных структур. Самостоятельного интереса к различным сторонам человеческой жизни, особенно тем, которые представляют собой сложные формы поддержания самоидентичности или интимных отношений с окружающим миром, у российских социологов нет. Отсюда вытекает и вульгарность или примитивность социологических представлений о российском обществе, порожденных органической зависимостью социальных наук от власти и глубинными ориентациями на нее, а не на «общество». Именно эта ограниченность, стерильность ценностных представлений и бросается в глаза в сравнении с характером познавательного интереса, а значит и научной этикой, в социальных науках европейских стран или Америки, считающихся (явно по недоразумению) образцами для российских исследователей. Имитация чужих, но авторитетных приемов и идей, то есть склонность к эпигонскому заимствованию знаков «признанного», оказывается компенсацией за неспособность понимания своей реальности. Демонстрация чужих флажков позволяет закрыть глаза на историю страны, ее нынешнее состояние, мораль, массовую культуру, интеллектуальные и человеческие особенности ее «элиты». Или может быть точнее: действующая интеллектуальная (научная) организация «производителей идей» в нашем «обществе-государстве» предполагает – в качестве условия функционирования и консолидации научного сообщества – слепоту и неспособность к пониманию своего национального и исторического прошлого, своеобразия своего «культурного» пространства, позволяя тем самым ее членам быть «свободным» от чувства ответственности за него.

5

Настроения среднего поколения российских социологов, выступающих с идеями постмодернистской ревизии социологии, интересны не собственно своим теоретическим «радикализмом», или «новационностью», а своей «симптоматичностью», «избирательным родством» с массовыми представлениями, образующими базу коллективной идентичности. Теоретической оригинальности в предлагаемых сегодня социологами подходах или концепциях в действительности как раз и нет (иначе сама демонстрация заимствований была бы не так важна). Не будучи способным справиться с напряжениями, вызванными перспективами трансформации тоталитарного социума, необходимостью собственных усилий и веры, российское общество реагирует на текущие процессы вялым раздражением и цинизмом, характерным для людей, которых долгое время донимали моральными прописями: «оставьте нас в покое». Оно предпочитает дисквалифицировать сами источники внутреннего морального или ценностного «иног», чем сделать такие же шаги, какие предприняли общества других стран. (Я, например, не могу

представить себе в России появление книги, подобной давней работе А. и М. Митчерлих.¹⁶⁾ Такова реакция астенического поколения, приходящего вслед за поколением «хронической мобилизации», поколения детей советских «идеологических погромщиков» и их жертв. Собственное бессилие оборачивается стойким негативизмом к любому акту сознательного и ценностно выраженного отношения к реальности, в первую очередь – к необходимости аналитического понимания источников насилия и принуждения, будь то в прошлом или в настоящем страны.

Таким образом, дело не в смене поколений¹⁷ и не в акциях или манифестациях постмодернистов, а в проблеме ценностей исследователя в нашей науке, в механизмах самостерилизации ученых или исследователей. Здесь мы сталкиваемся с теми же явлениями или процессами, что уже зафиксированы нами в других сферах общественной жизни, а именно: устойчивые механизмы примитивизации социальных отношений, ценностной девальвации. Это не раз описанные в работах Левада-Центра стратегии пассивной адаптации населения, снижения уровня запросов, «понижающий трансформатор» человеческих отношений, массовый цинизм и показная религиозность, ригоризм и репрессивность в моральных оценках. Именно эти проявления, казалось бы, должны стать предметом теоретической работы социологов, явно оказавшихся перед необычными проявлениями человеческой природы – массовой жестокостью и нечувствительностью к государственно организованному и диффузному насилию, культурной инволюции, демодернизации. Но пока нет никаких признаков подобного движения к «реальности».

Возможности развития у российской социологии есть, но связаны они с перспективами ее кооперации с другими гуманитарными дисциплинами, возможностями обмена методами (концепциями) и материалом. Для меня признаками изменения ситуации в социологии было бы именно обращение социологов к материалу символических форм, оказывающихся предметом рационализации гуманитарных наук. Бедность своих антропологических конструкций российская социология могла бы компенсировать вторичным анализом того, что репрезентируют история, современные искусство и литература, кино. Эти сферы оказываются гораздо более чувствительными к изменениям смысловых структур, моральных взаимоотношений в обществе, меняющих системы социальных связей. Однако работать с этим материалом сегодня невозможно, поскольку принятые в отечественной социологии понятийные средства не позволяют это делать.¹⁸

---

¹⁶ Mitscherlich, A., Mitscherlich, M. Die Unfähigkeit zu trauern. München: Piper Verlag. 1995. 1-е издание появилось в 1967. К настоящему времени книга переиздавалась в Германии более 25 раз.

¹⁷ В строгом смысле слова, смена поколений не меняет институциональную структуру отечественной науки.

¹⁸ Видимо отсюда же происходит популярность научных суррогатов или интерес к промежуточным или внедисциплинарным формам интерпретации, к эссеистике в духе Ж. Батай, Ж. Делеза и других французских постмодернистских интеллектуалов. Их многословие, нестрогость, неопределенность мысли, живописность, частые двусмысленности, вызывающие вполне оправданное нарекание и раздражение позитивистски настроенных ученых, не отменяет функциональной значимости их работы. Они внимательны к внутренним движениям человеческого сознания, они тоньше чувствуют смысловую и социальную диалектику негативных сторон модернизации или становящегося современным общества. Они пытаются нащупать то, что не поддается терминологическому закреплению, то, для чего нет в общепринятых концепциях понятийных средств описания и объяснения, а именно: текстуру сложных смысловых отношений и конструкций.

Для собственно же социологической работы все равно приходится подобный материал переинтерпретировать, то есть в литературных формах (в средствах литературного конструирования) увидеть нормы или проекции социальных взаимодействий и образований, социальных морфем, выступающих якобы как чисто эстетические конструкции. То же самое требуется проделать и по отношению к истории или экономике. Здесь проблемы сложной мотивации экономического взаимодействия, доверия, солидарности, механизмы депривации, институционализации правил согласования смысла действия, контроля, gratification, веры и проч. самым решительным образом требуют социологической интерпретации в категориях сложных форм социального действия. Нынешние подходы, скажем, в духе «рационального выбора» или тому подобных моделей страдают от принудительного экономизма, инструментализирующего то, что по существу не является целевым действием.

6

Российская социология не «видит» в силу разных причин сложные феномены, сложные, «метафорические» по характеру своего синтеза символических и нормативно-ценностных регулятивов формы социального поведения, соединения гетерогенных социальных и институциональных структур и культурных пластов, поскольку они не укладываются в ее сегодняшний расхожий и крайне бедный аппарат. Нет понятий и инструментов для выражения сложных форм поведения. Социальные науки сегодня работают либо с крайне упрощенными формами действия (целерациональными или ценностнорациональными), либо с эвристическими и мутными, не «чистыми» формами действия и взаимодействия, что создает иллюзию значительности или условия для шарлатанства.

Поэтому, если говорить всерьез о перспективах теории социологии, есть несколько крупных задач, оказывающихся особенно важными именно для российской социологии, поскольку социальная гетерогенность здесь на порядок выше, чем в стабилизированных европейских обществах или в США.

1. Разработка теории смыслопорождающего действия (производства, таких действий, в которых смысл, полагаемый действующим, является не только схемой его последующего понимания, но и правилами предполагаемого взаимодействия с партнером). Она может быть реализована как типологическое описание многообразия механизмов смыслогенерации, сложных структур социального действия, синтезирующего более простые регулятивные структуры (понимания того, как это делает сам индивид в форме субъективной инновации или другого действия, соединяющего образцы социальных действий, данных разными институтами или разными пластами культуры). Если эта проблема будет решена как социологическая, то есть будут найдены средства социологического анализа сложных культурных форм в современном обществе (а это значит – наиболее рафинированных и интимных сфер человеческого существования), то мы получим возможность для анализа уже высокодифференцированных институциональных и неинституциональных структур и форм взаимодействия, их объяснения и развития.

2. Теория сложных (синтетических) форм социального взаимодействия, смыслопорождающих механизмов по существу своему представляет решение

проблемы рациональности и ее типов, культурных обоснований синтеза идей и интересов. Рациональность не сводится к вопросам нормативности какой-то одной схемы рационального действия, а представляет собой условия или возможности синтеза идей и интересов, соответственно, механизмов или структур соединения гетерогенности исторической и социальной, социальной и культурной регуляции и ее воспроизводства. Задача заключается в том, чтобы прояснить сами обстоятельства, в которых происходит этот синтез слоев и типов записей культурных значений, интересов и идей, социальных (групповых, институциональных) норм (прагматики) и символического репертуара.

3. Взаимодействие социологии и других дисциплин гуманитарного круга, в первую очередь – истории. Последняя дает иную плоскость для последующей социологической работы – генетический аспект социальных явлений и процессов, происхождение нынешних форм социального взаимодействия, без учета и понимания которых невозможны понимание и теоретическое объяснение «причинности» или ее функциональных эквивалентов в системах интерпретации. Сегодня в общую кучу под именем «культурология» сваливаются проблемы, требующие усилия целого ряда наук: здесь и история идей или понятий, концепции визуальности, экспрессивности, теория символического, священного и мирского и проч., а также те вопросы, которыми занята практическая философия – концепции очевидности, систематического истолкования/рационализации ценностей, зла, теодицеи, смерти и проч.

4. Перспектива развития самой социологии открывается лишь с возможностями использования ресурсов и достижений смежных дисциплин. А для этого необходим не просто *аппарат перевода аналитических и концептуальных языков этих наук на языки социологии*, а выработка соответствующих аналогов работы *внутри самой социологии* (аналогичную работу пытался проделать Т.Парсонс, а еще ранее – М.Вебер; в меньшем объеме соответствующие усилия предпринимали и другие основатели социологии, и не потому, что им хотелось разработать генеральную теорию социологии, а потому что этого требовала сама практика эмпирической работы).

Такая работа предполагает расширение представлений о типах действия, природе символов, типах антропологии, формах консолидации и более сложных, в смысле более противоречивых, процессах, чем это имеем место сейчас.

Сегодня развитие социологии блокируется ее государственно-академическим статусом. Дело во внутренних механизмах саморегуляции исследователей, парализующих автономное развитие дисциплины, отражение в теоретических задачах тех проблем, которыми озабочено общество. Дефицит теоретических средств объяснения заставляет молодых ученых обращаться к ресурсам западной социологии, которая, в свою очередь, оказывается все больше и больше в ситуации утраты к ней общественного интереса, поскольку ресурсы этой социологии заканчиваются. Она постепенно превращается в академическую резервацию, зону интеллектуального застоя и консерватизма. Напротив, именно в России, как и в других странах догоняющего развития, там, где барьеры на пути модернизации ведут к появлению обходных, параллельных или возвратных процессов, а значит, возникают совершенно новые социальные образования (шунты, заболачивание, тупики человеческого развития и т.п.), там возможности для теоретической работы социолога предельно благоприятны и широки.

Реплика в дискуссии о....

Нынешнее состояние социологии некоторые наши коллеги полагают кризисным в смысле приближающейся и даже наступившей кончины. Состояние социологии как она представлена в отечественном академическом сообществе и мировом – разные вещи.

В России прошлое социальных наук все еще тяготеет над настоящим. Марксистское материалистическое понимание истории утверждалось единственно научным, а в первом параграфе Профессионального кодекса социолога было записано, что социолог исходит из признания исторического материализма в качестве общей социологической теории. Иные теории отвергались как ложные. Это заблуждение, которое привело к трагедии коммунистической идеологии, используя выражение ее создателя, обернулось сегодня фарсом в попытке утвердить в той же роли единственно правильной национальную «консервативную» социологию.

Другая крайность – радикальный нигилизм относительно научности социологии на том основании, что социальное традиционно объяснялось социальным, тогда как в подлинной науке надлежит редуцировать социальное к его «естественным», несоциальным корням. Если в первом случае мы сталкиваемся с ограниченностью национальными предрассудками, то во втором – с академическим высокомерием. То и другое ставит барьеры на пути продвижения к исследованию и пониманию социальных реалий.

Принципиально иная картина наблюдается в социологии на мировом уровне. В теоретической социологии с интервалом от конгресса к конгрессу дискутируются новые объяснительные концепции стремительно меняющегося мира, журналы публикуют сотни и тысячи статей, предмет которых - социальные трансформации и изменения в обществах и в миросистеме, в экономике, политике и культуре, в повседневной жизни людей во всех уголках планеты Земля и предупреждают о грозящих рисках, будь то природных, или социогенных. Президенты международных ассоциаций призывают коллег к исполнению нашего гражданского долга – популяризации добытого знания, критическому отношению к политикам, которые склонны «однозначно» толковать социальные процессы. Социологическое просвещение умов в 21 веке становится столь же необходимым, как освоение компьютерной грамоты.

Множественность теоретических конструкций социальной действительности, я убежден, есть наше богатство потому, что все социальное многозначно, поли-детерминировано, следствия целенаправленных разумных действий часто, если ни как правило, оборачиваются нежелательными результатами, риски становятся нормой, поскольку диапазон принятия решений, персональных и социально значимых, несопоставимо шире сравнительно с ближайшим прошлым, не говоря о давнем.

Компетентность в нашей профессии постоянно сталкивается с трудностью выбора между требованием предельно адекватно и непредвзято диагностировать социальную ситуацию и гражданской ответственностью за итоговое заключение, которое мы выносим на суд коллег и общества. Надежного на все случаи алгоритма

решения этой интеллектуальной и моральной проблемы не найдено. Известно лишь в каком направлении следует искать решение: просчитывать вероятности развития наблюдаемых явлений. И мы возвращаемся в исходную точку множественности порождающих социальное событие, цепочку событий - процесс и множественности его возможных следствий. Я не согласен с теми, кто предлагает социологу стать в положение буриданова осла. Следует минимизировать ошибку, и это единственно разумно, т.к. обратное, бездействие, открывает простор для действий далеко не всегда более компетентных.

Будущее теоретической социологии представляется мне обнадеживающим. Во-первых потому, что социология выросла из кокона самодостаточности, использует знания множества социальных и естественно-научных дисциплин. Во-вторых, серьезные социологи не претендуют на единственно правильное толкование социального, открыты к диалогу с оппонентами из своего цеха и иных дисциплин. В-третьих, и это главное, современные технологии позволяют анализировать колоссальные массивы данных сравнительных исследований во времени и социальном пространстве, межстрановом, межкультурном, глобальном. В неменьшей мере обогатилась методология получения первичных качественно-количественных данных, возможность их сохранения навечно и «вживую». Пропасть между эмпирической базой для концептуального осмысления на что опирались классики социологии, сопоставима разве что с пропастью между экспериментальной лабораторией алхимика и фантастически мощным экспериментальным оборудованием физиков-ядерщиков.

Прогнозировать предметно какие теории могут быть созданы – занятие не серьезное. Универсальную гиперсоциологическую теорию может быть создадут наши дальние потомки. Но будет ли она отличать социологию от философских абстракций?

Российское будущее в социологии вполне предвидимо. Новые поколения российских социологов прагматично впишутся в реалии своего времени. У них не будет языкового барьера с внешним миром, они будут на равных сотрудничать в мировой науке, как намерены действовать даже политики, судя по их декларациям. Если не случится глобальной катастрофы, будущее прекрасно. А чтобы она не произошла, мы должны максимально способствовать предотвращению всякого рода рисков имеющимися на сегодня ресурсами.

Н.Е. Покровский

СОЦИОЛОГИЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Кто они, российские социологи, в наши дни? Отличить настоящего социолога от ныне многочисленных и самопровозглашенных не-социологов не столь уж и сложно. Социолог (независимо от первоначального образования)-это тот, кто признает бесконечную сложность общества на всех его уровнях и во всех его проявлениях и, как следствие, невозможность объяснять и решать социальные проблемы в виде шахматной задачи "двух-ходовки". При этом социолог доказывает, что ни одно социальное действие не затухает бесследно, но, напротив, его последствия концентрическими окружностями расходятся по всем азимутам. В этом смысле, "коснувшись цветка, ты потревожишь и звезду". И, наконец,

социолог не льнет к власти и "начальству", как бы странно это ни звучало. Социологу нужна свобода научных суждений и объективность диагноза. В противном случае социология может превратиться во что угодно, но только не в науку, связанную с великими традициями классики и современной теорией.

Эти достаточно очевидные принципы во многом еще остаются у нас чисто декларативными. Многие российские социологи признают все это на словах (по крайней мере, они открыто не отрицают этого), но, по сути, по-прежнему воспитывают в себе и других чисто идеологическое видение профессии. А именно подразумевают присутствие "высших" сил и интересов, будь то государство, экономическая и политическая целесообразность момента, "требования рынка", "русская идея" или нечто подобное из данного ряда. Как мне кажется, здесь идет речь не о злой воле тех или иных социологов, а о жгучей потребности в идеологической опоре, ибо собственно научная наполненность подобной социологии оказывается недостаточной или фрагментированной.

Все это имеет непосредственное отношение к преподаванию социологии как научной дисциплины.

Развитие социологического образования в России представляло и представляет собой интереснейший процесс. Это было и есть нечто большее, чем сугубо образовательный компонент российской научной культуры, связанный с внедрением относительно новой учебной дисциплины в достаточно крупных масштабах. Речь идет о принципиально ином, а именно о формировании огромного интеллектуального массива, непосредственно связанного не только с трансформационным видоизменением восприятия мира российским интеллектуальным сообществом в целом, но и о включении (через социологию) новых факторов общественного преобразования. В силу своего особого научно-фундаментального и вместе с тем прикладного характера социология более чем другие социальные, не говоря уже о чисто гуманитарных дисциплинах, привязана к этой преобразующей функции. Именно социология способствует, по меткому определению П.Бергера и Т.Лукмана, "социальному конструированию реальности". Совершенно очевидно, что социология осуществляет концентрированное продвижение вперед нашего комплексного понимания социального мира и тем самым создает этот мир в его различных формах и вариантах, показывает новые логические "связки", обладающие устойчивостью и повторяемостью. Эта конструирующая функция социологии обычно не столь очевидна для тех, кто непосредственно не занимается нашей наукой ("как это можно создавать нечто из ничего?"). Но, тем не менее, факт остается фактом. В той или иной мере, так или иначе, социология сопричастна активному конструированию реальности.

Двадцатилетие бурного развития социологии в России существенно видоизменило и наше представление о самой социологии. Причем речь идет не только о некоем одностороннем векторе отношений: "мы" постигаем социологию, созданную до нас и помимо нас (хотя и это имело и имеет место). Видимо, можно говорить и о том, что дисциплинарные рамки социологии, да, впрочем, и ее внутреннее содержание на "выходе" упомянутого десятилетия несколько иные по сравнению с этими же параметрами на "входе" в двадцатилетие.

Социология меняется на глазах, приобретая в чем-то иные очертания. Поэтому не удивительно, что довольно часто наши зарубежные коллеги (невзирая на нашу несколько кислую реакцию) восхищенно говорят о том, что нам в России

выпало великое счастье жить в эпоху перемен, когда все меняется с калейдоскопической скоростью. Но ровно с такой же скоростью, добавим мы от себя, меняются и наши социологические представления об обществе, в котором мы живем. Более того, в течение последних двадцати лет постоянно меняется и внутренняя саморефлексия российского социологического сообщества: мнения о том, что такое социология, чем могут и должны заниматься социологи и каково их место в более широком контексте общественной жизни.

Более чем когда-либо и где-либо процесс экспансии социологического образования приобрел у нас очертания масштабного явления, заслуживающего самого пристального внимания. Поэтому разговор о преподавании социологии видится, прежде всего, не только как обсуждение технологий преподавания и "поддержания на плаву" системы социологического образования в целом и ее частях, но и как попытка осмыслить некие новые параметры и функции "социологического процесса".

Конец 80-х-начало 90-х годов войдут в историю российской социологии как эпоха Большой Растерянности и Больших Ожиданий. В одночасье было подорвано доверие к марксистским схемам, десятилетиями определявшим развитие обществознания в Советском Союзе. Причем, как это сейчас достаточно ясно, протест вызывал именно идеологизированный марксизм, превратившийся в прежние десятилетия в закостенелый канон, лишенный жизни. Что касается классического марксизма с его гениальной теорией капитализма, то только сейчас, в наши дни он "порастает" в наших учебных программах и научных публикациях в своем оригинальном свете. Как бы то ни было, но в конце 80-х годов на руинах советского марксизма стала стремительно возникать социология, которая, по логике развития событий, была призвана заполнить образовавшийся вакуум в структурах обществоведческого преподавания, а также в исследовательских стратегиях.

Здесь, однако, как сейчас это стало очевидным, заключалась одна опасность. Состояла она в том, что массовое внедрение социологии в преподавание не основывалось и не могло основываться по ряду объективных причин на коренной трансформации того научно-преподавательского сообщества, которое единственно и могло это преподавание осуществлять на десятках и десятках вузовских кафедр открытых по всей нашей стране. Иначе говоря, в большинстве случаев за преподавание социологии взялись те, кто вышли совсем из другой "шинели", после упразднения марксизма-ленинизма они остались без работы, но хотели жить и при этом вовсе не намеревались менять свои прежние установки. С другой стороны, в социологию хлынул поток инженерных кадров-выпускников инженерных и естественнонаучных вузов, также потерявших перспективу в своей базовой специальности, но вдруг обретших "видение" социальной реальности при почти полном отсутствии гуманитарной окраски этого видения. Общество было и остается для многих из них лишь полем математического моделирования и инженерного манипулирования.

В этом смысле массовость социологии сыграла злую шутку с ней. Иногда кажется, что было бы гораздо лучше, если бы социология не превратилась в России в расхожий предмет преподавания, а осталась сугубо академической дисциплиной для узкого круга специалистов.

Однако вернемся к рубежу 80-90-х годов. Именно тогда и возникло *Большое Ожидание* в отношении будущего российской социологии. Суть его состояла в

том, что немногочисленные тогда профессиональные социологи, прошедшие закалку советскими временами, и более широкие круги обществоведов надеялись на то, что объективно возникшая потребность в социологии решительно и необратимо объединит российское социологическое "поле" с международным и сделает российских социологов (в том числе и преподавателей социологии) частью мирового академического сообщества. Этот обнадеживающий взгляд на будущее, но несколько в своем варианте разделяли и наши зарубежные коллеги, полагая, что российским обществоведам недостает лишь света истины в виде учебников, методических материалов, знакомства с практикой преподавания на Западе и т.д. И как только этот свет прольется, думали они, все остальное свершится само собой.

Поначалу события, казалось, именно так и развивались. По всей стране стало стремительно множиться число социологических кафедр и факультетов, профессиональных социологических ассоциаций, журналов, издательств и пр. Социология стала не только весьма распространенной, но чуть ли и не самой модной наукой. Последнее означало то, что многие государственные, политические и экономические организации и институты (например, банки и промышленные группы) стали считать необходимым иметь свои собственные социологические подразделения. Социологические данные (правда, весьма специфически препарированные) зазвучали по телевидению и в других средствах массовой информации. Социология стала непременной частью многочисленных отделов по кадровой работе, избирательных кампаний, маркетинговых исследований, программ PR и рекламы.

Однако данный процесс, обозначивший себя на рубеже 80-х-90-х годов и особенно развившийся в середине 90-х годов, обладал своей внутренней логикой, далеко не всегда совпадавшей с Большим Ожиданием. В чем же возникли эти несовпадения и обманутые надежды?

Прежде всего, экстенсивная экспансия социологии на "территории" российского интеллектуального сообщества оказалась отнюдь не столь линейной, как это первоначально предполагалось.

С одной стороны, далеко не все российские социологи, группы социологов и социологические центры захотели и по объективным обстоятельствам смогли легко и безболезненно влиться в систему международной социологии. Для этого, как минимум, требовались внутренний динамизм и дисциплина, умение энергично осваивать большие массивы новой информации и новой научной литературы, адаптироваться к новым методам преподавания и управления социологическими организациями, ранее доступные в России лишь немногим. Не следует упускать из виду и такую сугубо "техническую" проблему как роковой барьер активного знания иностранных языков-своеобразная Каинова печать, тяготеющая и до сих пор над всеми попытками прорубить большое окно в социологическую Европу и Америку. (Отсюда и затрудненность полноценного общения с коллегами на Западе, боязнь Интернета и другие негативные последствия, включая нередкие элементы ксенофобии в российской науке.)

С другой стороны, и западные социологи в своем большинстве, как мне видится, пребывали в плену утопических иллюзий, полагая, что реформирование российской социологии возможно чуть ли не *over night* (впрочем, эта иллюзия была свойственна практически всем нашим западным контраптерам и в других сферах сотрудничества). Западные социологи недооценили сложность и "многослойность" российского интеллектуального сообщества, обладающего не только

прогрессистским, но ретроградным вектором. Оставались без специального внимания и культурные различия ("матрицы"), присущие российскому обществу, в частности своеобразные культурные дистанции между столицами и периферией, боязнь власти. инерция традиции и т.д. Причем в столицах и регионах "химические реакции" в области интеллектуального труда по объективным обстоятельствам по-прежнему протекают с различной интенсивностью и по несколько отличным схемам.

За последнее двадцатилетие социологические кафедры и факультеты региональных университетов, а равно и отдельные социологи получили весьма большие возможности для творческого роста. Более того, с середины 90-х годов принадлежность к региональной социологической школе стала давать определенные и немалые преимущества в сравнении с школами столичными. Это касается финансирования всех форм академической деятельности за счет научных фондов, поездок на международные конференции, обмена студентами и др. Москва и Петербург во многом перестали быть социологическими столицами в старом, советском смысле слова. Само по себе это было замечательно, ибо создавало сетевую структуру развития социологии по всей стране, когда любая региональная ячейка социологической структуры в перспективе выравнивалась в своих возможностях с традиционными, столичными. Однако эти возможности отнюдь не гарантировали развития тенденции в автоматическом режиме. Требовалась творческая воля со стороны самих социологов. Хотя можно приводить отдельные яркие примеры, свидетельствующие о появлении новых имен и новых программ в социологии, в целом региональные социологические центры раскрыли свои возможности далеко не всегда и далеко не везде. Причины? Их немало. Среди прочих-неразвитость рынка профессионального труда в российских регионах. Даже в большом университетском городе социолог практически "приписан" к своему университету или институту. По-прежнему существует система скрытых внеэкономических зависимостей. Проще говоря, это невозможность найти другое равноценное и, тем более, лучшее место работы в случае, если в этом возникает внутренняя необходимость. Даже в Москве и Петербурге социологическое сообщество достаточно немногочисленно и замкнуто. В малом же городе социологов просто наперечет. К тому же динамика географической мобильности среди социологов по-прежнему весьма невелика, быть может, даже в чем-то ниже, чем в советские времена, учитывая материальные сложности переездов и пр. Поэтому социолог в региональном университете, как представляется, вынужденно живет с оглядкой на соседа или начальство (хотя бы и с точки зрения научных публикаций или защиты диссертаций, не говоря уже о большем), а это, согласимся, ограничивает творческий рост, что бы по этому поводу ни говорили. В итоге российские социологи в регионах с большим трудом преодолевают некую герметичность своего положения. Номинальная и потенциальная свобода их творчества и саморазвития в реальности свободой оказывается далеко не всегда.

В итоге сложилась весьма запутанная, но и столь же интересная картина, сама по себе заслуживающая пристального исследовательского внимания. *Великое Ожидание* оправдалось лишь частично. На "выходе" обнаружил себя весьма своеобразный исторический "продукт". Соотношение мыслимого (воображаемого) и сущего (реального) в развитии социологии в России схематично можно было бы представить следующим образом:

Экстенсивный линейный рост всех параметров социальных структур социологии в России (прежде всего образовательных структур и прикладных программ, а также социологических инфраструктур). Социологии "много" и "езде", что становится сильнейшим аргументом в пользу некритически оптимистической оценки происходящего в данной профессиональной сфере.

Единое поле российской и международной социологии, соответствующее общему глобализационному процессу, на сегодняшний день не сложилось, а глубинная смысловая интеграция в этой области носит довольно фрагментированный характер. Более того, сейчас все явственнее можно отмечать возвратную тенденцию, а именно стремление больших групп социологов, представляющих социологические центры (прежде всего образовательные), создать свою "российскую" социологию, опирающуюся на "свою особую традицию" и т.д.

Общая атомизация или фрагментация социологического поля в России, несмотря на внешние признаки консолидации. (Например, Российские конгрессы социологии периода 2000-2009 годов показали, что российская социология пока еще не сложилось в рамках интегрированного сообщества). По сути, каждый центр ведет свою линию и реализует свое понимание социологического образования, как, впрочем, и самой социологии. Это выражается в отсутствии единых или даже близких учебных программ и учебных планов, в наличии на рынке учебной литературы массы несогласующихся по базовым принципам учебников социологии, в нежелании активно поддерживать общенациональные социологические ассоциации и др.

Социологическая культура в российском интеллектуальном сообществе формируется крайне медленно, что контрастирует с повсеместным присутствием социологии в ее различных номинальных ипостасях. Даже люди, профессионально занимающиеся социологией, нередко видят в ней некую туманную дисциплину, "обсуждающую" общество "вообще". В таком случае практически любое суждение об обществе (тем более глубокомысленное) воспринимается как "социологическое". Подобная *парасоциология*, подчас включающая в себя совершенно ненаучные компоненты (скажем, религиозно-идеологические), замещает или, скорее, вытесняет еще не оперившуюся научную социологию. Это еще больше отдаляет российское социологическое сообщество от мирового.

На этом фоне в российской социологии возник такой весьма опасный феномен, как бонапартизм. Каждое, сколь угодно малое звено в социологической структуре (кафедра, факультет или отдельный социолог) считает возможным устанавливать свои стандарты социологического образования (хотя формально, быть может, и делаются реверансы в сторону утвержденных Министерством стандартов). Бонапартизм в данном контексте означает позицию "я так вижу и все". Особая научная нескромность фактически стала нормой. Ложно понимаемая свобода научных исследований и преподавания, лишенная внутренней приверженности профессиональным стандартам, превратилась в господствующий фактор. На практике это означает, что для выражения своего Я в социологии вовсе не обязательно иметь большой опыт, публикации, признание со стороны российского и международного профессионального сообщества. Наличие финансовых средств, определенных связей на местном или федеральном уровне и большой деловой энергии обеспечивают "успех" практически любому самопровозглашенному социологу.

Объективно на социологическом поле возникло жестокое столкновение нескольких факторов: (а) тенденции плюрализации, (б) отсутствие глубокой социологической культуры, (в) невыраженность профессиональной корпоративности. Как правило, бонапартизм в социологии обосновывает игнорирование требований международной социологии и уход в свою "своеобычность". (Существенно реже можно столкнуться с бонапартизмом и в виде сектантского западничества, когда тот или иной специалист, прошедший огранку на Западе, нарочито и с сектантской иступленностью противопоставляющий себя "неразвитому" окружению, особенно в условиях регионального университета.)

Указанные процессы, возможно, имеют естественный и переходный характер (но, возможно, и нет). Но в любом случае этот процесс требует аналитической оценки и последующей терапии. Исходной позицией для осуществления терапевтических мер можно считать, прежде всего, установление смысловых стандартов в трактовке социологии и, соответственно, социологического образования.

Все обсуждаемые проблемы российской социологии и ее преподавания, как в зеркале, отразились в издательской деятельности. Книжный рынок, в отличие от преподавательского "поля", обладает чертами большей конкретности, осязаемости. Книга-это в любом случае документ, который можно рассматривать с различных сторон.

Если достаточно методично посещать соответствующие книжные магазины, выставляющие книги по социологии, можно отметить две ведущие тенденции. Во-первых, это экстенсивный рост числа изданий. Учебной литературы становится больше и больше. Во-вторых, наряду с ростом числа изданий обнаруживает себя и нарастание хаотичности этого процесса. Во всяком случае, рынок социологической литературы не обнаруживает склонности к саморегуляции, чего теоретически от него ожидали.

Каждый ВУЗ, каждая более или менее институализировавшая себя кафедра социологии стремится создать и быстрее напечатать свой собственный учебник социологии. В противном случае репутация кафедры будет страдать, мол, что за кафедра социологии, если у нее нет своего учебника. Учебники сплошь и рядом пишут авторы, познакомившиеся с социологией чуть ли не накануне. Их имена не фигурируют в анналах профессиональных сообществ и не известны специалистам. Весьма часто беря в руки очередной учебник социологии, профессиональные социологи недоуменно смотрят друг на друга: "Вы знаете, кто это?"-"Первый раз вижу это имя".

Для авторов теперь нет никаких ни внутренних, ни внешних сдерживающих механизмов. В большинстве случаев все зависит только от умения организовать свое время и природной продуктивности, порой не имеющей ничего общего с профессионализмом, а также от способности найти финансирование для публикации. Косвенным образом и издательства поощряют этот непрофессионализм, без разбора обращаясь к любым авторам лишь бы только они выдерживали временные рамки и хотя бы отчасти работали в поле социологии. Объективное экспертное рецензирование практически умерло как жанр научного творчества. Либо рецензии носят формальный и договорный характер, либо их вообще не заказывают. "Самопроизвольность" создания и "проталкивания" своей учебной продукции на рынок социологической литературы стала нормой.

С позиций читателей социологический книжный рынок также выглядит весьма хаотично. Студенты (и отчасти преподаватели) полностью дезориентированы обилием изданий учебной литературы по социологии. Поэтому даже в ведущих столичных вузах на семинарских занятиях по социологии можно видеть самые экзотические учебники, абсолютно не соответствующие качественным стандартам. Книжные лавки (иной термин подчас не приходит в голову) не ведут никакой разъяснительной и просветительской работы, сбывая в больших количествах социологическую низкопробщину, лишь бы был оборот. В конце концов, и книготорговлю можно понять. В наших современных условиях она вовсе не предназначена для просветительства, а борется за свое экономическое выживание. Студенты же-главный потребитель учебной литературы-всеми доступными методами стремятся уклониться от приобретения рекомендуемых учебников (весьма не дешевых), предпочитая делать ксероксы отдельных глав, "скачивая" примитивные рефераты через Интернет, либо просто сдавать экзамены без чтения учебников.

В этой связи особого упоминания заслуживают Интернет-сайты по социологии. Число их растет. И многие стали полагать, что все проблемы распространения социологической информации могут и должны быть решены посредством Интернета. При этом упускались из внимания важные обстоятельства. Свобода открытия и наполнения Интернет-сайтов неизбежно влечет за собой и падение качества материалов, размещаемых на этих сайтах. Интернетизация имеет своей обратной стороной некую произвольность, необязательность, вторичность по части содержания. Другое обстоятельство состоит в том, что создание качественного Интернет-портала ничуть не менее трудоемкое и финансово затратное дело, чем, скажем, открытие издательства или запуск на орбиту профессионального журнала. Поэтому на сегодняшний день большинство социологических сайтов, не считая лучших, представляют собой какие-то гибридные формы, составленные из самых разноплановых информационных блоков, рекламы, студенческого "стеба", социологической литературщины и пр. Эта гибридность, в каком-то смысле уже и неотделимая от Интернета как такового, становится серьезным препятствием на пути его полноценного использования в качестве учебного ресурса.

Заканчивающийся год, 2009-й, и предшествующий, 2008-й, были отмечены тяжким дыханием общеэкономического кризиса в России и остальном мире. Это сполна коснулось и социологии. Специалисты обсуждают в дискуссионной форме особенности этого процесса и его предполагаемую продолжительность. Однако все эти дискуссии с неизбежностью ставят вопрос о состоянии самого экспертного сообщества, в котором социология играет или должна играть роль одной из первых скрипок. Ведь социология в силу своей научной природы, объединяет все другие экспертные оценки ситуации, сводит их воедино и проецирует на жизнь общества и отдельного человека. Это наука о людях и для людей.

Что происходит в современной российской социологии? В какой мере она сама оказалась под воздействием волн кризиса?

За последние полгода, следуя синхронно ритмам кризиса, сократился спрос на социологический компонент в маркетинговых исследованиях, рекламе, программах связей с общественностью и управления персоналом. Эти и некоторые другие высоко коммерциализированные сегменты социологии отреагировали на

кризис в первую очередь и наиболее очевидным образом. Но, мы знаем, социология вовсе не сводится именно к этим областям исследований. Она несравненно шире и глубже в своей общей теории и многочисленных дисциплинарных направлениях. По подсчетам Международной социологической ассоциации их не менее 120. Что же происходит в отношениях российской социологии и кризисного социума сегодня?

Не касаясь деталей, можно констатировать, что российское общество и государство, находясь в условиях сильного экономического прессинга, заметно утратило интерес к социологическим данным и их анализу. И это очень тревожный синдром подобный тому, когда серьезно больной пациент отказывается от медицинской госпитализации, полагаясь на народные средства и «заговоры» шаманов. А ведь общество наше находится отнюдь не в лучшей, а подчас и кризисной своей форме—об этом свидетельствует его комплексный и специализированный социологический диагноз по основным жизненным показателям.

Социология не может себя насильно предлагать и, тем более «продавать». И поэтому социологи с сожалением констатируют, что заметное дистанцирование общества и государства от научной экспертизы не может способствовать выходу на правильную дорогу. Этот путь в будущее не прокладывается в режиме ручного управления методом проб и ошибок и с опорой лишь на интуицию и предшествующий опыт. Здесь нужна наисовременнейшая социальная наука в своих лучших достижениях, притом, чем больше, тем лучше. Ведь не секрет, что в управленческих решениях любого уровня ровно столько разумности и обоснованности, сколько в них научного социального анализа. Иными словами, востребованность социологии—важнейший признак интеллекта и культуры во всех их проявлениях.

В этих условиях особенно важно сохранить научную чистоту и эффективность социологии, не разрешить ученым-социологам поколебаться в своей приверженности принципам науки. А основания для нестойкости имеются.

Немалые группы социологов и представляемые ими научные и учебные институты, видя наступивший кризис, решили сменить роль аналитиков и ученых, на роль общественных идеологов или своеобразных «проводников», которые точно знают, «как надо» выводить Россию из создавшегося положения. Под вывеской социологии, вместо углубленного и фундаментального фактического анализа текущего процесса, создаются фантастические картины геополитических раскладов в современном мире, «научно» оформляются мифы об особом историческом мессианстве, которое-де решит все проблемы настоящего и будущего, наука непосредственно сводится к политическим заклинаниям, дирижистским целеуказаниям и проповедям, в которых слово «надо» и «должно» вытесняет словосочетание «реальное положение дел». Сон социологического разума, сочетающийся с повышенным политическим активизмом, порождает многочисленные фантазмагии. Все это не имеет отношения к научной социологии и лишь использует имя этой науки для оформления какого-то иного вида деятельности.

Наряду с этим научная социология испытывает давление иного рода. Видя, что общество теряет интерес к современной социальной теории и социологическому анализу, многие социологи, притом весьма одаренные, притом молодые и хорошо образованные, словно «обиделись» на общество за отсутствие

взаимности и ушли в себя. Российская действительность видится им вульгарной, неинтересной и не заслуживающей внимания настоящих ученых. Разочаровавшиеся социологи принялись конструировать причудливые замки абстрактной мысли, превращая свою науку в некую сугубо виртуальную сферу без окон и дверей—в «коробочку». Так возникает социология без общества, без людей и без дыхания современной истории, но с бесконечной схоластикой расщепления категорий и конструированием новых миров на кончике иглы. При этом все затуманивается нарочитой усложненностью языка, ибо ясная речь отвергается как таковая. Одновременно в ход пошли уже некоторые достаточно устаревшие идеи социологии XX века, а равно и посмодернистский и деконструктивистский инструментарий, тоже порядком потускневший от времени, но получивший свое второе дыхание в российском кризисном социуме по причине отсутствия собственных, не эпигонских, теоретических новаций. Это ведет к отрицанию одной из самых фундаментальных истин: даже самая обобщенная социальная теория может считаться научной только тогда, когда она в каждый момент и в каждом своем логическом звене обнаруживает возможность быть проиллюстрированной и подтвержденной фактами, тенденциями, видением повседневно развивающейся реальности, эмпирическими исследованиями. И никак иначе. В противном случае социология превращается в сектантскую деятельность катакомбного типа, в чем-то притягательную для схоластически ориентированных умов, но начисто лишенную именно социологического компонента. Аксиома состоит в том, что социологии вне постоянного и каждодневного диалога с обществом быть не может. Формальные задачи в социологическом дискурсе ни при каких обстоятельствах не могут заслонять целей анализа и интерпретации живого социального процесса.

В этих условиях особо важно сохранить установку на *научность* и *чувство реальности*. Социология может сохранить себя и вновь выйти в поле социального творчества только в качестве независимой экспертной науки, уважающей себя и вызывающей уважение других, опирающейся на традиции национальной культуры, но при этом живущей одной интеллектуальной жизнью с международной социологией Запада и Востока, Севера и Юга. Это гарантирует ей востребованность в будущем в России и остальном мире. Там, где сообщества «встают с колен», там расцветает и социология. И наоборот.

СУДЬБЫ СОЦИОЛОГИИ В XX И XXI ВЕКЕ. ПАМЯТИ А.Г.ЗДРАВОМЫСЛОВА

Яницкий О.Н., yanitsky@isras.ru

О научном наследии А.Г. Здравомыслова

1. АГ – всегда был глубоко погружен в теоретический анализ, и чем дальше, тем более расширялось поле его интереса в сфере теории и методологии социологического анализа. Ниже я излагаю собственное видение некоторых основ его творческого наследия, естественно видение самое предварительное, как оно сложилось у меня в ходе чтения его работ и разговоров с ним, особенно интенсивных в последние годы, когда он привлек меня к разработке ряда инициированных им проектов.

2. Социология как дискурс. По Здравомыслову, специфика социологического мышления состоит в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории. Общество «в лице социологов» осмысливает вызовы современности, однако это осмысление нельзя смешивать с самой реакцией общества на эти вызовы, которая относится к иной сфере деятельности – к политике и использованию власти. В ходе долгих наших с ним дискуссий, он согласился со мною, что эти «вызовы» порождаются также изменением восприятия конфликтов и ситуаций «снизу».

3. Социология АГ была глубоко историчной в нескольких аспектах: как дисциплина, рефлексирующая специфическим образом на ход национальных и мировой истории; как формирование и борьба разных эпистемологий и теоретических подходов к анализу социальной реальности; как попытки выстроить исторически обусловленную периодизацию отечественной социологии; наконец, как диалектика взаимодействия теоретических конструктов между собой и их – с социальной практикой.

4. Одним из центральных моментов его эпистемологии был *конфликт* – как в реальности, так и между теоретическими школами и воззрениями в социологии. Конфликт между прошлым и будущим, как связующий и одновременно разъединяющий момент в течении реальности и формах ее отражения в социологических теориях. Однако для АГ конфликт был интересен не только как объект теоретического анализа, но и как инструмент (и механизм) изменения социального порядка и его нормативного обеспечения.

5. О социологии и культуре. Важным фактором развития поля социологии является освоение ею общего культурного этоса своей страны. Именно в сфере культуры, по АГ, формируется запрос общества на разработку определенных социологических идей. В конечном счете, культурное брожение совместно с социологической рефлексией приводит к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе. Отсюда его главный тезис: «культурные императивы общества определяют границы социологического мышления, а институциональные структуры - варианты национального бытия социологии».

6. Вторая мировая война и ее восприятие «отсюда» и «оттуда», диалог этих точек зрения. В этом смысле работа А.Г. «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия» (2003), представляющая собой эмпирическое исследование рефлексии разных поколений немцев по поводу событий второй мировой войны и их отношения к СССР и к русским не была, как мне представляется, оценена нашим социологическим сообществом по достоинству, а сам АГ не продолжил этой чрезвычайно актуальной сегодня темы социально-исторической памяти. Хотя может быть именно она стимулировала его последующий интерес к социологической компаративистике.

7. О национальных социологических школах. АГ глубоко интересовали эволюция этих школ и их взаимовлияние. Одно дело – цитирование и попытки приложения методов отдельных западных теоретиков к российским реалиям, и совсем другое – сначала выстраивание собственного видения национальных социологических школ (английской, американской, французской, немецкой и российской), а потом – выявление их сходства, уровней и форм взаимовлияния и т.д. И, что очень важно, – обязательная «обкатка» своего видения их соотносительного развития в диалоге с западными и российскими социологами высокого класса.

8. АГ много работал над проблемой «поля» отечественной социологии, подчеркивая его относительную самостоятельность в период идеологической оттепели, порожденной 20-ым съездом КПСС. АГ утверждал, что некоторые кардинальные идеи того времени, как выяснилось впоследствии, явились важным интеллектуальным ресурсом перестройки 1980-х гг. и поэтому решительно расходился с позициями тех, кто принижал значение социологов-шестидесятников в истории советской общественной мысли. Ошибочность этой позиции, по Здравомыслову, состояла в намеренном размывании границ между идеями 1960-х годов и последующих десятилетий. В России именно потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором распространения социологических исследований с конца 1950-х до начала 1970-х годов, а затем – с середины 1980-х и по настоящее время.

9. АГ в отличие от многих из российских социологов проявлял глубокий интерес к прогнозированию, в частности к прогнозам тех западных социологов (Коэн и др.), которые смогли предсказать развал СССР и объяснить его причины. Этот его интерес был частью его социально-исторического подхода,

утверждающего, что сегодня «социология представляет собою развитую систему коммуникаций по поводу знаний о современном мире, действующую в интернациональном масштабе».

10. О взаимодействии науки и власти. Здесь в работах АГ конкурируют две парадигмальные установки: (1) общество – объект исследования и предмет управления. Наука исследует, власть управляет. Хорошая власть опирается на научные исследования, плохая – не опирается, и в этом корень зла; (2) и власть, и наука – части общества. Это социальные институты, люди и их жизненные миры, которые не являются воплощением ни абсолютного зла, ни абсолютного добра (в сфере политики), ни абсолютного знания, ни и абсолютного заблуждения (в сфере науки). И поле власти, и поле науки ограничены своим временем, способностями, распределением ресурсов, культурой. Они действуют в пределах одного общества, но на разных полях, в рамках которых ценности и правила игры различны.

11. О соотношении социологии и политики. «Если руководство страны, проводит современную политику, – говорил Здравомыслов, – ориентированную на создание и упрочение государства благосостояния на демократических основаниях, то оно, как правило, опирается на данные социологии и на ее концептуальный аппарат. В этом случае социология стремится занять позицию конструктивной критики по отношению к официальной политике соответствующего государства. Если же власти в большей мере ориентируются на фундаменталистские ценности, то они могут ожидать более явной оппозиции от интеллектуалов своей страны и от социологии». Одним их «мостов» между ними является культура и, в частности, русская литература, которая всегда выступала как общедоступный, связующий *язык взаимопонимания* между наукой и практикой.

12. А.Г. Здравомыслов был одним из основателей Сообщества профессиональных социологов. Мотивы такого выделения мне трудно понять до сих пор, тем более, что на международной арене страну, как правило, представляют национальные социологические ассоциации. Возникновение СоПСо западные коллеги тут же интерпретировали как новый виток борьбы различных политически ангажированных социологических групп. Но сам АГ никогда – ни при подготовке ВСК, ни международных мероприятий – не противопоставлял СоПСо другим организациям. Для него единственным критерием качества докладов и выступлений были новизна темы и профессионализм ее социологической интерпретации.

Критерием его собственного профессионализма служили его свободные и длительные контакты с ведущими социологами мира, с теми кто сделал социологию наукой. Он был с ними на равных, что дано далеко не каждому из нас.

17.11.2009

СОЦИОЛОГИЯ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Зырянов Иван Александрович
elelegzet@gmail.com

Революция Библиотеки. Файлообмен.

Завтра информация уже угрожает окончательно лишиться своего носителя, растворить его в себе – в эпоху высокоскоростного интернета даже dvd диски почти что стали считаться атавизмом на теле компьютеров. Еще несколько десятилетий назад, народ дружно переписывал друг другу аудио- и видеокассеты, детишки обменивались «картриджами» для Dendy и Sega, а когда-то бережно переписывали от руки самиздат... Цифровые технологии, которые отличаются от предшественников не в последнюю очередь, тем, что при копировании копии полностью идентичны оригиналу, открывают нам новый мир, тщательно законсервированный в цифровой банке.

Сегодня миллионы, почти миллиарды людей под неслышимый шум охлаждающих систем своих компьютеров легко «обмениваются» несравнимо большим количеством уже не тех же игр/фильмов/книг/музыки, наряду с огромным количеством другой информации посредством специально разработанных программ и технологий, вокруг которых возникают уникальные интернет сообщества, по многим признакам, представляющие собой чуть ли не новую форму жизни. Почему слово обмениваются в кавычках ? – да потому что этот обмен уже не вынуждает временно расставаться с предметом обладания, предмет приближается к идеально-виртуальной форме, операции происходят почти мгновенно. То количество информации, которой, в потенции, мог бы обладать каждый из нас, столь грандиозно по сравнению даже с самыми большими библиотеками мира... Хотя... самой большой библиотекой мира уже давно стал интернет, сам того не заметив.

«Торрентам все возрасты покорны» обронил однажды журналист Александр Бидин, более того, не забыв отметить что они же есмь «новый беспрецедентный феномен цифровой эпохи, который нужно охранять, которые вносят позитивное влияние, это можно сравнить с появлением публичных библиотек».

И такое сравнение далеко не единично, эта аналогия настолько естественна для тех людей, которые когда-либо пользовались файлообменными сетями, что в моем опросе (подробности ниже) был пункт, в котором предлагалось определить наиболее близкие к файлообменным сообществам организации, существовавшие ранее и однозначным лидером, среди многих других, стал именно вариант «библиотека».

Но я бы не стал ставить знак равенства между этими явлениями, не стал бы и искать истоков одного в другом... Но нет, файлообменные сообщества не выросли из библиотеки – они отвергли её пыльную форму из-за приверженности к материальным носителям и излишней бюрократизации, создав работающую альтернативу, которая для некоторых встала на место библиотеки (особенно в

случае с книгами, когда мелкий «варезный» книжный сайт вполне может оказаться богаче материалом средней библиотеки). Эволюция это или революция? – безусловно, это именно революция библиотеки. Новая форма старой идеи.

Нельзя не отметить, что файлообменные технологии и сообщества вокруг них это довольно эклектичное образование, на которое можно смотреть под различными углами, однако же, каждая такая попытка будет адекватна в определении этого многогранника.

Доклад основан, в первую очередь, на материалах проведенных мной же широкомасштабных опросов, результаты которых могут быть найдены на специальном интернет-ресурсе, посвященном исследованию, а кроме того, подкреплен интервью с экспертами, участниками сообществ, объединенных вокруг «файлообмена».

Несмотря на то, что центральной темой доклада явилась именно неожиданная для меня находка функциональной симметричности двух институтов, родившихся из совершенно разнородных зерен, я не мог обойти вниманием и фундаментальные основы бытия сообществ, с которыми многие коллеги до сих пор не очень то знакомы:

Файлообменные сообщества – подвид Интернет-сообществ. Отличием файлообменных интернет-сообществ от большинства других является тот факт, что основная их цель и деятельность - невербальная коммуникация - обмен файлами при помощи специализированных технологий и программ (peer-to-peer), тогда как все остальные практики (включая вербальное общение) выстроены вокруг процесса файлообмена. Итак, файлообменные сообщества представляют собой относительно новое явление, в некотором смысле, кардинально новое, однако это вовсе не означает, что они появились на пустом месте. С чисто технической точки зрения в виртуальных организациях используются интеллектуальные и технологические конструкции, которые в организациях «из бетона и кирпичей» существуют на физическом уровне. Особенности организации: разделение на публичные и частные, четкое разделение пользователей на «актив» и «массы». Но, им присущи уникальные «неэкономические» практики. Ratio – альтернатива деньгам, их антипод – «перевертыш» означаемого и означающего денег, способный, однако же, существовать в виртуальном пространстве. Виртуальная социализация отлична от процесса социализации в других сферах. По результатам исследования, стало ясно, что это, по большому счету это молодежные организации - студенты и школьники составляют почти половину пользователей файлообменных сетей, значительно представительство людей технических специальностей.

Помимо всего прочего, я убежден в том, что каждое виртуальное сообщество сегодня первобытно. Просто потому что до него ничего не было, но эта игра слов легитимизирует и некоторые полезные методы его оценки. Так, тот же процесс файлообмена можно сравнить с практиками потлача и довольно успешно двигаться по линии этого сопоставления.

Появление файлообменных сообществ создало новую конфронтацию и стало толчком для развития новых политических движений, например, «пиратизма». Противостояние *copyright* и *copyleft* приобрело ощутимые формы.

В то время как одни ви-коммунисты отстаивают свои права в судах, даже во время процесса перекачивая какие-то ресурсы со своего трекера, другие

уже ушли в подполье и соорудили баррикады на пути чужаков к своим виртуальным владениям.

Что это - новое «общество баварских иллюминатов» (Группа ученых, в числе которых были математики, физики и астрономы, которые восстали против церковных догм) или же тайные организации, о которых большая часть населения и представителей правообладателей никогда не узнает? - Пока что на этот вопрос нет четкого ответа, можно лишь проследить предпочтения пользователей о том, что им больше любо, а результаты уже говорят что около 80% предпочитают «клубы только по приглашению».

Интересным наблюдением явилось то, что, зачастую, файлообменщики скачивают «цифровые ценности» «про запас» и оценки «упущенной прибыли» правообладателей крайне условны.

Разница между различными языковыми средами и разность законодательства дает о себе знать - показатели тревоги русскоязычных пользователей файлообменных сетей значительно ниже, чем у англоязычных.

«Пираты» в большинстве своем готовы покупать понравившуюся продукцию, ранее приобретенную нелегально. Согласно некоторым исследованиям, они же покупают больше всех цифровой продукции.

Ситуация далеко не однозначна – подразделение на «хороших» и «плохих» совершенно неадекватно – каждый прав по своему, для того, чтобы восторжествовала одна система, другая должна быть разрушена. Файлообменные сообщества выглядят, по моему разумению, как паразит на теле системе, который не наносит много вреда - лишь копирует организм, на котором сидит, потребляя его ресурсы и приумножая его, изредка проявляя признаки какого-то симбиотического взаимодействия, паразит увеличивается в размерах и, возможно, старается стать независимым организмом... Без донора он жить пока(?) не может, но и для общества, на теле которого появилась эта «опухоль»¹⁹ (пусть и, предположим, более прогрессивная), приятного мало – вопрос жалости к паразитам, вирусам и опухолям выглядит абсурдным.

Но, похоже что, никаких действенных средств против этой «заразы» выработать не получится – хирургическое вмешательство не встретит одобрение цивилизованного мира, а иные запреты бесполезны, тем более что вред для старого дерева, на останках которого появляются новые ростки довольно условен. Быть может, мы сталкиваемся перед необходимостью разработки более адекватных моделей поощрения труда, чем существующие ныне. Тем более, что этот росток, судя по всему, далеко не единственный и люди выберут то, что укрепитя лучше остальных.

Результаты опроса в наглядном виде, активно использовавшиеся в докладе, частично доступны на специальном сайте, посвященном моему исследованию:

<http://res.sharea.org> – англоязычная версия

<http://ru.sharea.org/04-05.htm> - русскоязычная версия

---

¹⁹ «Linux – как раковая опухоль, она разрушает интеллектуальную собственность во всем, к чему прикоснется» - Стив Баллмер, генеральный директор компании Microsoft с января 2000 года. Цитата по www.itpedia.ru/index.php/Стив_Баллмер

Публичная социология: первые шаги. Взгляд изнутри (этнография образования в области публичной социологии)

В 2004 году Майкл Буравой, произнес речь на широко известном президентском выступлении в Американской социологической ассоциации, высказав и обосновав мысль о необходимости развития публичной социологии, как одной из четырех выделяемых им типов социологического знания²⁰. Действительно, сегодня, когда развитие социологии в мире приобретает все большую значимость, когда в результатах ее деятельности становятся заинтересованными все большие круги различных групп общественности, неизбежно встает вопрос о формировании новых научных социологических направлений. Другими словами, мы можем говорить о том, что сегодня запрос на появление социологов нового типа – это не только «заказ» самой науки, но и общества. В таком контексте особую значимость приобретают слова Гидденса из критической заметки в газете *Gardian*, выступающая «призывом ко всем тем, кто занимается социологией, повернуться лицом к глобальным общественным проблемам, возродить активную позицию науки во времена, когда это становится подлинной необходимостью во имя гуманизма и социальной справедливости»²¹.

Одним из ярчайших примеров актуальности данной темы является ее неоднократное обсуждение в рамках конференций различного масштаба – III Всероссийский социологический конгресс 2008 года, XVI Всемирный социологический конгресс в Дурбане (ЮАР) 2006 года и т.д.

В 2009 году социологический факультет ГУ-ВШЭ пошел на своеобразный эксперимент – создание магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций». Цель программы состоит в подготовке профессионалов, способных выполнять публичные функции социологов - не только как исследователей, но и как медиаторов, обладающих навыками и компетенциями для разъяснения общественным группам сути происходящего в наиболее проблемных зонах социальных отношений.

Понятным и очевидным является то, что создание с пустого места идеальной и точно выверенной программы представляется невозможным. В связи с этим необходимо уже с первых шагов внедрения программы отслеживать ее внутренние изменения, чтобы в своеобразном онлайн режиме фиксировать все трудности и иметь возможность коррекции.

При этом составить полную картину развития учебного процесса имеет смысл при обращении как к анализу мнений преподавателей, включенных в него, так и самих студентов. Обследование мнений двух этих участников учебного процесса представляется наиболее важным, так как именно наблюдение за людьми, включенными непосредственно в него, позволит уловить наиболее четкие изменения.

---

²⁰ Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / Под ред. Романова П., Ярская-Смирновой. – М.: ООО «Вариан», ЦСПГИ, 2009.

²¹ Романов П., Ярская-Смирновой Е. По обе стороны рва: предисловие // *Общественная роль социологии* / Под ред. Романова П., Ярская-Смирновой. – М.: ООО «Вариан», ЦСПГИ, 2009. – С. 5.

Целью такого исследования, на первом этапе стало выявление того смысла, которое магистранты вкладывают в понятие «публичной социологии» и в связи с этим определение роли социолога и их самих в данной сфере. Это, в свою очередь, позволит понять, насколько представление студентов соответствует тому, что под этими же терминами понимают как составители программы, так и сам Майкл Буравой.

Не менее важным в ходе исследования является отслеживание изменений в представлениях студентов об уже изучаемых дисциплинах. В этом случае главная цель – выявить наиболее востребованные, по мнению студентов, учебные дисциплины, а также определить потребность в тех, которые возможно еще не представлены в рамках учебного плана.

В нашем исследовании приняли участие магистранты первого курса направления «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» (ГУ-ВШЭ), отвечавшие на вопросы о том, как протекает процесс усваивания ими нового материала и вхождения в новую учебную среду. При помощи опроса мы ставили задачу выявления ожиданий студентов при поступлении и уже появившихся изменений за период обучения в течение первых трех месяцев. Также в ходе исследования было проанализировано одно из домашних заданий – эссе на тему «Публичная социология и я».

Первичный анализ полученных в ходе исследования результатов позволяет говорить о том, что «публичная социология», по мнению студентов, строится на основе скорее академического знания, направленного на группы общественности (противопоставленные контр-публике). И не предусматривает роли социолога в активной борьбе, в действиях, совместно уже с контр-публикой, с целью донесения ее проблем до более широких масс общественности. Подобный результат не случаен, так как данная магистерская программа изначально направлена на формирование новых коммуникативных связей с общественностью и предполагает реализацию научных функций уже на совершенно другом – медийном – уровне. При этом анализ мнений студентов в отношении учебной программы показал, что в целом их ожидания пока не оправдались и одновременно они испытывают потребность в некоторых дисциплинах, пока не заявленных в учебном плане.

Таким образом, уже на начальном этапе внедрения программы в учебный процесс мы можем говорить о широком потенциале развития ее содержания. Результат подобного изучения позволит дополнить и улучшить программу для будущих поколений, сделать ее более эффективной и релевантной по отношению к рынку труда. В конечном счете, одной из целей любого образовательного процесса является создание специалистов, в данном случае социологии, занимающихся не только исследованиями, но и активно принимающими участие в деятельности различных групп общественности.

Кожевина Екатерина, Смирнова Ольга

Представление о кризисе глазами студентов ГУ-ВШЭ: анализ фотоматериалов

В 2008-2009 году весь мир, все его жители столкнулись с мировым финансовым кризисом. Для разных стран и разных социальных групп его влияние было неодинаковым. И, безусловно, что сложившаяся ситуация – не только площадка для работы экономистов и историков, но и социологов. Особенный интерес для исследования представляют группы молодежи, студенты, будущие молодые специалисты, поколение, которое в ближайшем будущем будет определять и формировать новую картину мира.

В рамках исследования «Фонда общественное мнение», проводимого с февраля 2008 по сентябрь 2009 г., «Поколение XXI», одним из аспектов исследования которого было выявление отношения молодых людей (в возрасте 16–25 лет) к кризису. Основными выводами являются следующие: доля затронутых и не затронутых кризисом молодых людей примерно равны (51% и 43% соответственно), причем эти показатели в марте были приблизительно такими же. Обладание таким ресурсами как доход и место жительства являются своеобразными «подушками безопасности» для молодежи в условиях кризиса. При этом респонденты отмечали влияние кризиса на возможность получать образование (26% - по стране в среднем, и значительно более высокий показатель в Москве – 61%), а также на рост цен за обучение (примерно две трети студентов-платников указали на это).

Что касается эмоций и чувств молодежи, то по данным того же исследования, преобладают «доброжелательные и спокойные» настроения (41%), «жизнерадостные оптимисты», сохраняющие боевой настрой и готовые к новым свершениям - 37%, «раздраженные и встревоженные», пессимистически настроенные - 27%. При этом, отмечается, что тревога и раздражение приводят не к протестным движениям, а к отчуждению «пессимистов» от других²².

Очевидно, что данные, полученные ФОМом, безусловно ценны, однако не раскрывают всего спектра субъективных восприятий и оценок кризисной ситуации. Одной из возможных форм партисипаторного исследования могут стать снимки, выполненные студентами в соответствии с определенными задачами. Подобными методами пользовались многие исследователи, в том числе, Kristen Marquez-Zenkov²³, Donal O Donoghue²⁴.

Кроме того, существует такой важный аспект, как визуальная культура восприятия мира, которую, в частности, описывает П.Штомпка. Картина мира современного человека представляет собой совокупность визуальных представлений и визуальных проявлений. Образы формируют «новый тип коммуникации», которые с одной стороны, отражают некоторый взгляд на мир через объектив камеры, с другой – конструируют этот образ. Все это приводит к формированию новых форм восприятия и постижения мира, особого типа мышления²⁵.

---

²² ФОМ – проект «Поколение XXI» - Поколение Next – версия 4.0
<http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/npn109>

²³ Kristien Marqueeze-Zenkov. Through city students' eyes: urban students' beliefs about school's purposes, supports and impediments. Visual Studies, Vol. 22, No. 2, September 2007

²⁴ Do'nal O Donoghue. «James always hangs out here»: making space for place in studying masculinities at school. Visual Studies, Vol. 22, No. 1, April 2007

²⁵ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н.В.Морозовой, авт. Вступ. Ст. Н.Е.Покровский. – М.: Логос, 2007.

Можно предположить, что на самом деле, молодежь воспринимает кризис более субъективно, широко, нежели это предлагают опросы. С помощью использования визуальных методов, когда студенты имеют возможность свободно и образно выражать собственные мысли, что позволит получить ценностную и разностороннюю информацию, дополняющую уже выявленную в ходе опросов.

Таким образом, **целью проекта** является анализ представлений о кризисе на основе исследования визуальных материалов.

Задачами проекта являются выявление различных аспектов восприятия кризиса и анализ их визуальных выражений, а также, сопоставление этих данных с результатами исследования «Поколение XXI».

Исследуемая группа – студенты ГУ-ВШЭ, (Москва), одного из ведущих молодых и перспективных университетов России. Его студенты не только москвичи, но и представители различных регионов страны. Кроме того, студенты являются наиболее активной и заинтересованной группой молодежи.

Идея проекта как фотографического исследования возникла в процессе обучения в рамках курса «Публичная сфера общества и социальные коммуникации». Вообще, сама съемка и дальнейшая публикация (в рамках данного проекта – это выставка работ) являются выходом в пространство публичной сферы некоего частного мнения (представления студентов о кризисе). Отталкиваясь от идеи, что фотография есть не только способ познания реальности, но субъективного ее отражения, можно говорить о том, что проект становится не просто выходом частного в публичное пространство, но и отражение влияние его на субъективное восприятие.

Темами для съемки были заявлены различные аспекты кризисной ситуации: «Кризис в головах», «Кризис года», «Кризис жанра», «Кризис, но...». В результате были получены визуальные материалы, отражающие субъективные представления студентов об основных итогах и перспективах после кризиса, о влиянии его на сознание и умы, а также на возможности для творческого самовыражения.

Анализ полученных снимков позволяет говорить о том, что кризис года связывают некими с материальными изменениями – пустые или разрушенные торговые ряды, курсы валют, мелкие монеты в кошельке - все это иллюстрирует связь с «кризисом потребления». С другой стороны, студенты воспринимают кризис года как некое эмоциональное переживание – ужас, изумление. Однако, кризис не ограничивается лишь материальными потерями. Студенты визуализируют кризис в головах через кадры со «следами» алкоголя и сигарет, нецензурные выражения, написанные чьей-то рукой. А вообще, кризис в головах – это пустота там, где должно быть сознание.

Есть и другой кризис – это кризис творчества, кризис жанра. Он с одной стороны, может быть связан с кризисом в головах, с другой, это некая креативная безысходность – «раздавленный» фотоаппарат, типичные фразы и объявления, книги в коробке, которые никто не читает.

Однако, существует нечто, вне-кризиса, вопреки ему – это дорогие бутики, танцующие кришнаиты, это прекрасное время для перемен и движения вперед. Символы, олицетворяющие это, могут быть меты как современное происхождение – яркая наружная реклама известного бренда, так и историческое – памятник, другая форма выражения – «знак в знаке».

Таким образом, даже первичный анализ снимков студентов позволяет говорить о том, что кризис воспринимается гораздо глубже и «интереснее», чем это предполагают формализованные ответы в опросниках.

ПЕРСПЕКТИВЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА В РОССИИ

Dr. Victor Vakhshayn,
Russian-British postgraduate university
Moscow School of Social and Economic Sciences,
Dean of sociology and political science department.
pr-t Vernadskogo 82/2, Moscow, Russia.
E-mail: avigdor2@yahoo.com
Tel.: +79168696157

Reframing of Voting: keying, sense-making and organization of electoral experience in the Balkans

*Analysis and explanation of “electoral conduct” is one of the traditional aims of political sociology. Nevertheless abundant attempts to achieve this aim during last forty years demonstrate that the very idea of “electoral conduct” needs some re-conceptualization: from abstract, reified and mathematically grounded concept to more concrete, flexible, micro-sociological understanding of voting as local production of electoral orders. In this paper we shall try to examine how theory and methodology of frame analysis can be used for such micro-sociological turn in political sociology. Materials of participant observation collected in the course of OSCE international observation missions in Albania (2005), Bosnia and Herzegovina (2006) and Croatia (2007) will be used as empirical illustration. Taking Goffmanian frame-analytical approach we shall describe mechanisms of voting’s keying and re-keying. Thus our main question is: how “electoral” frame of activity can be reframed into “non-electoral” frames such as “sporting event” or “ritual event”? What discursive and non-discursive resources involved in this reframing process? How these reframings change the very mechanics of voters’ interactions and influence elections outcomes? In other terms, **how macro-political facts are produced in the flow of contextualized, patterned and instrumentally mediated actions here-and-now?** To answer these questions we should first address theoretical and methodological issues of frame analysis.*

Since the first publication of E. Goffman’s “Frame analysis” in 1974 (and perhaps even earlier – since the first works of G. Bateson (1955), (1972) on the framing of animals’ communication), the tension between the theoretical issues of frame analysis and its practical usage in empirical research has not weakened. As a fundamental social theory, frame analysis provides a specific optics for studying social reality from the perspective of everyday experience organization. If E. Durkheim left to contemporary sociology an injunction to explain “social by social”, so E. Goffman showed the ways to interpret “social as everyday”. And that was the possibility to understand macro-social and macro-political realities from the “patterned interpersonal interaction” perspective.

At the same time, with a frame analysis (in its sociological version) being a commonly used theory, there are no specific methods of empirical data gathering

connected with it. Neither Goffman, nor Bateson did offer any successive methodological programme – *where* exactly and *how* the frames and framing devices of social / political interaction are to be found. In other words, frame analysis theoretical solutions do not say directly how the empirical frame-analytical research should be methodologically organized. That is why the further development of Bateson's and Goffman's ideas led to the inescapable proliferation of both the very notion of "frame", and the extreme diversity of research concepts: ranging from "mental structures" analysis (Zerubavel 1991) to "talk-in-interaction" patterns (Schegloff 2000), from "political symbols and narratives" (Rein, Schön 1993) to "material settings" (Latour 1996). Basically, these instruments can be divided into two groups – those that look for frames in discourses and narratives (having a propensity for narrative and discourse-analysis methods), and the ones that keep the notion of frames as structures that can be found in interaction itself (through the methods of participant observation). Although our Balkan research is clearly connected with the second set of methods, we suppose that the further development of frame analysis as a theoretical and methodological whole demands systematizing and correlating all methodical means which are used in empirical frame-analytical researches.

Transformation of counting

Proposed analysis is based on observation materials gathered in the Balkans during 2005 – 2007. As short-term and long-term observer I've participated in three electoral observation missions, organized by OSCE ODIHR²⁶ and ENEMO²⁷: in Albania (parliamentary elections 3.07.2005), in Bosnia and Herzegovina (general elections 1.08.2006), and in Croatia (parliamentary elections 25.11.2007).

The decision to apply the frame analysis theoretical resources for understanding of the electoral process events was influenced by a situation that took place in Puka town, North Albania, while observing the counting of votes. In accordance with the Albanian law, the ballots are not counted right after the end of the voting process on the polling stations. Sealed ballot-boxes are transported to the nearest counting center, where they are opened by the specially trained members of the counting commission under the local and international observers' vigilant surveillance. The counting center in the town Puka was a gym in the basement of a school. The space was divided into two unequal parts by a red ribbon: on one side there were the observers, on the other side there were four tables at which the members of the counting commission were working controlled by one non-party supervisor. All the observers were supplied with handbooks, in which the process of the counting of votes was written down in details and algorithmically, containing the instructions such as how the ballot-boxes *should be* opened; the instruction that the protocols signed on the polling stations *should be* taken out for the first place; how the protocols *should be* announced; how the primary counting of the ballots *should be* carried out, etc.

However, the real process of the counting of votes was organized in a way quite different from what the handbook authors intended it to be. The ballot-boxes were loudly overturned on the tables. The counting commission members disputed with each other from time to time for the right to announce the protocols that were just taken out of the boxes. Each of the tables established its own ad hoc rules of the counting of ballots. As a

---

²⁶ The Organization for Security and Co-operation in Europe, Office for Democratic Institutions and Human Rights: <http://www.osce.org/odihr/>

²⁷ European Network of Election Monitoring Organizations: www.enemo.eu

result, the multicolored ballots highly flew over the tables and sorted themselves in piles in an incomprehensible way. The counting was going on with conflicts, debates, sudden mutual accusations and quite fast reconciliations. Starting at 20.25 on the 3rd of July 2005, and lasting uninterruptedly, this process finished at 22.40 on the 4th of July 2005.

The observers armed with the handbooks found it quite difficult to answer the key question of Goffmanian frame analysis: “What is it that’s going on here?” The way to frame the situation of the counting described in the handbooks was absolutely different from the way its participants themselves framed it. They periodically reframe the counting of votes into the frame of a game, or a contest: between the tables (the contest in the speed of counting), between the representatives of the two leading parties (who “leads” in the number of ballots at every certain table), between the party observers (who first will report the results of the counting to head-quarter).

Was it all still “the counting of ballots”, or not? Did the elements of contest and show transpose the “counting” into a “game”, “team competition” or “play”? What were the boundaries of the “counting” frame defined by? By the handbook? Or by the unsteady sense-making process and mutual definition of the situation by actors themselves? What was changed in the interaction after it had been transposed (or, in Goffman’s terms, “keyed”)? Whether the transposition (keying) influenced the results of the counting, or not?

In the case of the counting answers are more or less clear, but in the case of the voting itself they are not that obvious. How can keying of interaction from frame of “voting” into the other non-electoral frames influence its outcome? To answer this question we need first to clarify the theoretical content of the concepts, such as *frame*, *reframing* and *transposition (keying)*.

Theoretical resources

Frame and frame analysis

Today frame-analytical theory is not an all-in-one theoretical construction, but represents the totality of the concepts that are developed within psychology (Harre, Moghaddam, Cairnie, Rothbart, Sabat 2009), linguistics (Fillmore 1976), sociology (Zerubavel 1991), and particularly in social movements studies (Snow, Benford 1992) and policy analysis (Rein, Shön 1993). All these concepts are organized around either the context of action or of saying. In actual fact, *the term “frame” itself is a collected marking of context* (either “context of interaction”, “negotiated context”, “structural context” or “communication context”). The notion of a “frame” is more often used in two meanings that can conditionally be characterized as “linguistic” and “sociological”. According to the linguistic definition that has been proposed in cognition-orientated semantics, a frame manifests itself as a cognitive structure that is viewed as a hierarchically set knowledge schema. This structure is a “maximally generalized schematic idea of the basis of the meaning, ... the scheme of the image that lies in its basis” (Tsurikova 2001). This definition goes back to the work by Marvin Minsky *A framework for representing knowledge* (Minsky 1975). It is from here that research in contemporary cognitive psychology on the problem of frames of human memory, thinking and communication takes its origin (Smith, DeCoster 2000).

M. Minsky introduced the notion of frames into the theory of artificial intelligence and interprets it as a static informational structure that serves the representation of stereotypical contexts (Minsky 1975: 214). Almost at the same time Ch. Fillmore used very similar ideas of frame theory for building a linguistic conception of frame

semantics. He defines frames as “the cognitive structure of the schematization of experience” (Fillmore 1976). Thus both in cybernetics and in linguistics frames have acquired the definition of being “the elementary structure of communicative experience”.

Another conceptualization of a “frame” was proposed by G. Bateson and developed in detail by E. Goffman. Within this definition, a “frame” is interpreted as “the structural context of everyday interaction”. Therefore, this notion acquires a psychological (G. Bateson) and then a sociological (E. Goffman) interpretation.

What is common to cybernetic, linguistic, psychological and sociological definitions of a frame? Each of these determines a frame as:

- a *structure* that is stable and relatively static;
- a *cognitive construction*, the elements of which are cognitions and expectations;
- a *scheme of representation*, i.e. a representative and meaningful form.

The fact that the category of frames became widespread across so many disciplines at the same time was made possible by the “cognitive revolution” of the 50-60s. In this sense all frame theories have common roots: M. Minsky was inspired by the information studies of Norbert Wiener, whose friend and associate for a long time was G. Bateson, who contributed to psychological (neuro-linguistic programming) and sociological (Goffmanian frame analysis) directions in frame theory.

The book *A framework for representing knowledge* by M. Minsky and the fundamental work *Frame Analysis: An essay on the organization of experience* by E. Goffman were published almost in the same year. However, in Goffman’s *Frame Analysis* there are no the traces of M. Minsky’s influence²⁸, and likewise there is no feeling of Goffman or Bateson’s influence in Minsky’s works. Six years after the publication of “Frame Analysis” Erving Goffman noted: “And any current critique should presumably consider the alternative conceptions of frame (and allied concepts) that have been given consideration recently; for example Schank and Abelson (1977) in psychology, Minsky (1975) in artificial intelligence and Fillmore (1976) in linguistics. (Indeed, a paper can be written nowadays that focused on the term “frame” and yet very little considers frame in my sense – or Bateson’s)” (Goffman 2000: 89).

It can be concluded that both versions of frame-analytical theory developed historically in a synchronous way, but independently of each other. All theoretical constructions that frame theory is based on – irrespective of whether they are produced by psychology, sociology or cognitive science – orientate the researcher toward studying complicated machinery of social contexts and frames of interaction. These frames are found in space-time organization and in communication; however, they are not part of interaction itself, as a picture frame is not part of the space “inside” the picture, and brackets and inverted commas are not part of the phrase enclosed in them. A frame is characterized not by its contents but rather by the distinctive way in which it transforms the contents’ meaning (Zerubavel 1991: 11).

Last twenty years we see various intriguing theoretical attempts to combine different versions of frame-analysis: Goffmanian frame-analysis and ethnomethodological conversation analysis (Maynard 2000), (Schegloff 2000), sociological and psychological frame-analytical approaches (Tannen, Wallat 1987), sociological and cognitive notions of “frame” (Zerubavel 1991).

---

²⁸ At the same time, Goffman was familiar with the works of Fillmore that preceded his creation of frame semantics. In *Frame Analysis* references to Fillmore’s *Pragmatics and the Description of Discourse* appeared before its publication.

Reframing and keying

The notions of reframing and keying are crucial to frame-analytical theories in sociology. They are both connected with *metacommunicative* nature of frames. So, observing the behavior of monkeys in a Zoo in San-Francisco, Bateson found out and described the characteristic metacommunicative signals that species used when play-fighting. The very possibility of this frame (“play-fighting”) exists solely due to the message “this is a play” that the participants of the interaction exchange. The given message is metacommunicative – it requires a viewpoint from outside the interaction, the indication of its context. “Paradox is doubly present in the signals which are exchanged within the context of play, fantasy, threat, etc.”, Bateson argues. “Not only does the playful nip not denote what would be denoted by the bite for which it stands, but, in addition, the bite itself is fictional... At the human level, this leads to a vast variety of complications and inversions in the fields of play, fantasy and art” (Bateson 1972: 182). Transforming the counting of ballots into “play-counting” or “contest in counting”, members of commission make it the same paradoxical. The world of the game is organized according to its own rules (quite different from rules of counting described in OSCE handbooks): in it, what is real is that which does not exist “in reality”. However, this reality is “enclosed in inverted commas”, and, therefore, the action of “quoting” is required – the action that establishes the boundaries of the context.

As Bateson puts it, frames are organized into frame systems (frameworks). A framework is a frame of frames, a metacontext that encompasses all contexts of specific logical type (in Russell’s terms). Goffman evolved that Batesonian thesis. Among the frameworks, the ontological priority belongs to primary or basic frameworks, behind which no “real” interpretation is hidden (Goffman 1986: 21). In actual fact, primary frameworks are “genuine reality” which is analogous to the “world of everyday life” in A. Schütz’s phenomenological sociology (Schutz 1945) or “paramount reality” in W. James’s philosophy (James 1950). However despite being quite important, still the primary frameworks which constitute the basis of the world of the everyday life are not in the centre of Goffman’s attention. He is much more concerned with the possibility of transformation, conversion of “real, live activity” into something mock, fake, “unreal”. Goffman marks out two types of such transformations.

The main type of transformation – *keying* (or *transposition*) – is a means to reinterpret some activity that has already been comprehended in the primary framework (“...a key can translate only what is already meaningful in terms of a primary framework”); its transposition into another frame of reference (Goffman 1986: 81). This frame of reference in essence forms some kind of world of invention. The world of text, the world of sleep, the world of play, the world of sport competition and so on can all be viewed as invented. In them, the “real”, divided into strips of activity, becomes transformed.

The “keys” of such transformation can be *make-believe* (imitation of non-transformed activity in play purposes), *contests* (in which fight becomes boxing, and pursuit – race), *ceremonials* (symbolic transformations of everyday activity), *technical redoing* (modeling activity in educational purposes, demonstration of the “work” of some device before a potential buyer’s eyes, reproduction of a fragment of non-transformed activity in experimental conditions), or *regrounding* (transformation of the motives of habitual activity).

One of the most curious observations that Goffman made is that *the activity which is itself the result of keying has the greatest “re-keying potential”*. So, it is rather race or boxing (transformation of “pursuit” and of “fight”) that will become sport competitions, and not washing dishes. A “Formula-1” race or fights from “Star Wars” are more likely to be modeled in a computer game, than crossing the street at a green signal light. In students’ skits, the ritualized elements of study (communication with a teacher in an exam) and meaningful attributes (student’s record-book or diploma) are played up, rather than the everyday content of student life (taking notes at lectures).

The ceremony of wedding, for example, represents a ritual in which, as in many other rites of transition, the metaphoric of the changing status of those who marry, their parents relations, their own relations etc. is concentrated. Phrases, motions, movements in space – all this is subordinated to some scenario and manifests itself as transformed activity which reflects primary reality (supposedly, the reality of the episodes of their previous and future everyday life, converted by the rules of the ceremonial). However, the inclusion of the wedding ceremony into a theatre play will add one more lamination to the ceremonial transformation that has already taken place. The rehearsal of such a play will complicate the structure of the frame having added to it the lamination of technical redoing – the bridegroom not only tries to maximally correspond to the image of “fiancé” (the first lamination) and make his aspiration for this evident to the public (the second lamination); he, in addition, periodically practices “for himself” as training (the third lamination). A fourth lamination can be added if a film crew from the local TV channel comes to see the rehearsal and the “bridegroom” has to show how he is going to show the bridegroom. Or, if an actor, playing the bridegroom, bets with his colleagues on making “the bride” believe he really loves her having uncovered “genuine” feelings under the professional actor’s mask. However, in the last case, to a quite innocent type of re-keying – regrounding (the actor does the same things, but with different aims) – will be added a principally new type of activity transformation, distinctive from keying – *fabrication*. Fabrication presupposes that one or a few individuals purposefully give other people false, illusive conceptions of what is happening.

Returning to the example of the counting of the ballots given in the preface, we could state that the counting commission members undertook keying (of course, only if no one out of its members intended to give a garbled version of the voting, as in that case we should speak about fabrication rather than keying). In fact, there would be even two keyings – one through the transformation of the counting of the votes into a play (a “make-believe” key), and another one through its transformation into a contest (a “contest” key).

At first glance, these transformations seem to be undertaken due to the absolute routine character of the process of the counting of votes – allegedly, monotonous hard work during 26 hours make people to seek the ways to diversify it. However, if to follow the frame-analytical logic then everything is quite the contrary. The transposition of the counting process takes place exactly due to its non-routine character – we do not count the votes every day and are not in a habit of doing that. This electoral event is rare enough, and therefore it is poorly connected with other events of everyday communications. Only such non-routine events, as Goffman convincingly demonstrated, have more chances to become an object of keying.

This duality can be found in the very voting event. On the one hand, this event belongs to the primary framework (or the realm of workings in Schutz’s terms). No any other reality is hidden behind that. It is neither keying nor fabrication of another event.

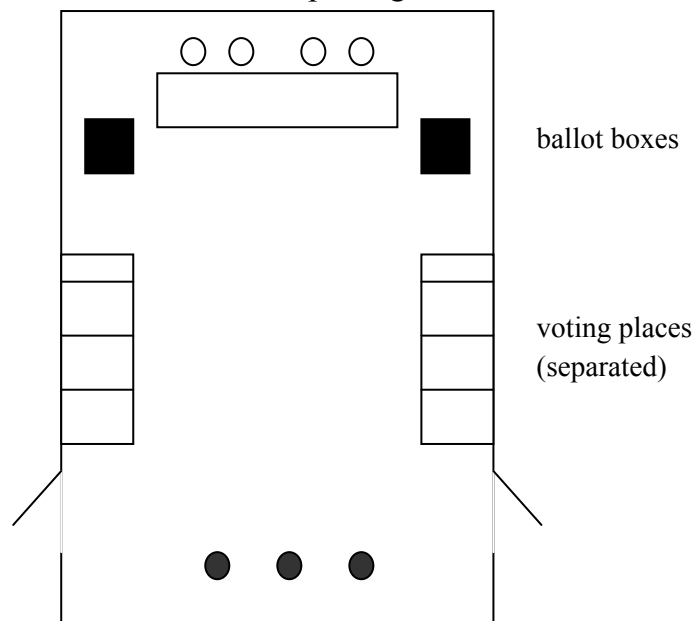
That is why it should have the same ontological status as any event out of “paramount reality” of the world of everyday life (driving, smoking, and cooking). However, at the same time, voting is a non-routine event; it is not entangled in the fabric of everyday interactions but is breaking out of it. The visiting of the polling-stations bear definite symbolical connotations. This circumstance increases the chances of transposition into another framework – into a *non-literal realm*.

Empirical cases

Case 1. Voting as a religious rite

How should an Albanian polling station look like from the point of view of 2005 Parliament elections organizers? The freedom of actions of those who was engaged in organizing the voting procedure and setting up the polling-stations was considerably cut down. As far as possible, but not necessarily, the polling stations should be situated in a space with two doors (in order to avoid crowding and in case of fire). There should be two ballot boxes (if the quantity of registered voters exceeds certain number). There should be arranged the places for voting. Cardboard screens to provide the secrecy of voting should separate these places. The ballot boxes should be situated within the field of vision of the members of the election commission. There should be at least three of them. The special places commission could be organized in the room.

In other words, a similar ideal polling station should look approximately like this:

Scheme 1. Ideal-typical polling station

Besides the traditional forms of fraud (such as ballot stuffing), the observers were also prescribed to watch the traditional “flaws” like family voting and violation of the secrecy of voting.

That is a short description of an “electoral frame”. Algorithm of an “ideal” voting includes: entering the room – demonstrating one’s hands to a commission member (checking the presence of a mark of voting) – showing one’s document – receiving a ballot – receiving a blue ultraviolet mark on one’s hand (avoiding the second voting) – approaching the place for voting and the process of voting itself – dropping a ballot in a box – exiting through the second door.

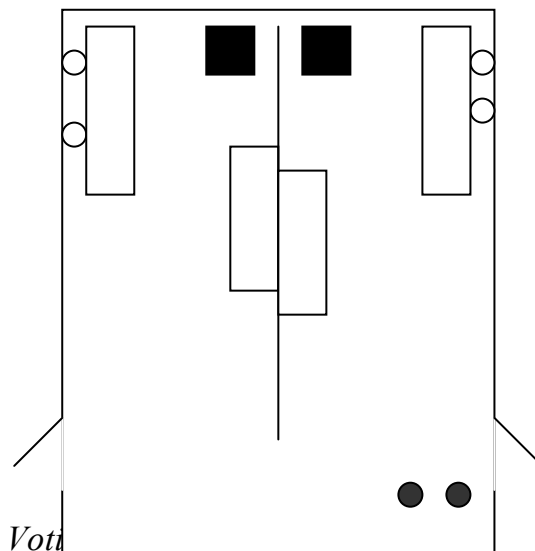
It is not a strict prescription. However, that is the way (with some slight exceptions) this process looks like in the most polling stations.

Nevertheless, in some polling stations the voting procedure was very different (Scheme 2).

...The space of a polling station was divided into two parts by a screen. Two members of the electoral commission (women) were on one side of a station, while two other members (men) – on the other. Therefore, one of the boxes turned to be “women’s”, and another one – “men’s”. The voting took place in complete silence. Having voted, women came back home, but men stayed near the polling stations smoking and discussing the outcome of the elections. Both observers in the polling stations were men and that is why they did not enter the “women’s” part. In case when elderly voters could not read, they asked in a whisper a commission member to check the party they wanted in their ballot. As a rule, the one who was asked did it in silence. Sometimes people dropped the ballots in a box whispering and muttering something.

Both men and women wore solemn dress...

From observers’ report, Northern Albania

Scheme 2. Voting

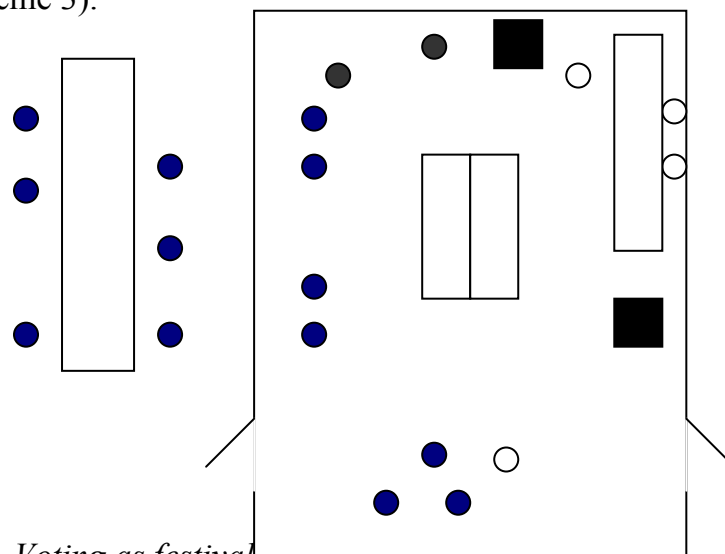
This kind of a keying is not widespread. During 2005 elections, it was recorded by the observers just in two places (the description given above was made in a rural polling station situated 7 km. from Fushi-Aretz village). This is the “voting as a religious rite” frame: the event of the “declaration of will” becomes a screen for considerable symbolical projection, with distinct religious connotations imparted to it. What is curious is that it does not lead to expelling women from the voting, no one raises difficulties for them even from the formal violations point of view – there are only two of them (the violation of the secrecy of election and difficulties for the observers to get access to the second part of the polling station). Moreover, as the local inhabitants themselves argue, the population of the village is not that zealously religious. Then why was it a frame of a religious rite the voting event was keyed into?

Perhaps, this is a side effect of the key itself used here – a *ceremonial*. The voting procedure implies many elements that stress its solemnity and symbolism. Being keyed, they are just strengthened: the ultraviolet mark on the hand is not a mere technical method to avoid the second voting by the same individual. Now it is a Sign, a symbolical marker of a person who fulfilled his or her civic duty.

It is curious enough that the steadiness of the alien distinctions brought to the polling station (male / female, sacred / profane) are kept and reproduced during the whole day of the voting. What was a difficulty for the international observers – i.e. to understand the “rules of the game” in this room, to answer the question “What is it that’s going on here?” – was not a problem for the local inhabitants at all. However, they could have trouble to explicate their knowledge of these “rules”. The rules turned to be incorporated into both the setting of the polling station, and the bodies of the voters.

Case 2. Voting as a festival

The fundamentally different type of transposition of voting is its transformation from an electoral frame into a frame of a festival, a holiday, or a local occasion. This form of keying is probably more widespread than the ceremonial one, though also takes place in small villages and settlements. The observers registered the elements of such keying not only in Albania, but also during the elections in Bosnia and Herzegovina a year later (Scheme 3).

Scheme 3. Voting as festival

The space of the polling station is strongly “rarefied”. There is just one table for voting situated in the middle of the room without any partitions and screens. People vote openly demonstrating their choice (the voting is held only for one party). There are many strangers in the polling station – those who have already voted and are carrying out the function of spectators. Husbands often arrive with their wives’ documents and vote instead of them. The members of the election commission and observers freely move around the room and talk to the voters. After a person votes, he rises his ballot over his head and pronounces something sounding like a toast or a joke. In response, cheers of approval and sometimes applause can be heard. Dropping the ballot in a box is also accompanied by exclamations and applause. Outside, the preparation for the party is going on.

The members of the polling station commission are uninterruptedly sneering at their positions and making fun of them in their dialogues. They address each other as ‘Mr. Election Commission Chairman’, ‘Mrs. Commission Secretary’ and so on.

From observers’ report, Northern Albania

The keying of voting into a frame of some interaction ritual (Goffman 1967), which is (like all other rituals) called upon to reinforce the solidarity of the community, is taking place here. It is senseless to analyze what is happening from the point of view of violations as deviations from the “right trajectory” – there are too many violations there. From the frame analysis perspective, the most interesting thing is to understand how the architecture of the event changes when its context is keyed. We see that the space of the polling stations becomes strictly centered: the place for voting turns out to be a kind of a podium or a stage, the people present – the spectators, and the commission – the jury. In contrast to the “right” electoral frame (and especially in contrast to the religious rite frame described above), this frame allows considerable freedom of actions and movement. This is not a ceremonial, because there is no implicit scenario and symbolic projections. Here the key is a “make-believe” one (to put it more correct, “playfulness” is the most prevalent type of “make-believe” key), that transforms the happening from voting to a *play of voting*, an entertainment. Such type of keying makes voting somewhat comparable equivalent to the drinking-games that are popular among American teenagers.

If the previous type of keying is a sacralization of voting (taking a fragment of interaction out of the primary framework and transitioning it into a ceremonial frame strengthening all the symbolic elements), so this type of keying is, on the contrary, a profanation, that is making an event profane, and mundane, due to parodying, irony and mocking. According to a fair remark of M. Bakhtin, the most ancient and examined instruments of such kinds of profanation-keying are the means of carnival culture (Bakhtin 1993). In addition, in our case, all the participants of the interaction – the commission members, the voters, and local observers – added them to their armory.

Turnout at such polling stations is relatively high; voting appears to be almost unanimous. One could raise the question as to whether such uniformity in the results of a declaration of will is caused by the keying of the voting process itself or whether both keying and political outcomes are the effects of some other (social, cultural, economic) determinants hidden from the observers’ eyes. However, microsociology cannot answer this question. Its task is to analyze the orders of interaction emerging here-and-now in a polling station. We can just show how the emerging structures of the interaction in situ are connected with more general characteristics of the election process (for example, with the outcomes of voting in some regions or with most typical violations). The task of this kind of analysis of frames is research into the construction of political facts in the flow of ordinary mundane situational activities.

Where is in the case described above that Batesonian message “this is play” hidden? Where is the metacommunicative message that transformed “voting” into “playing at voting” localized? The observer cannot say for sure that the given keying has its author – rather, the change of the game rules took place before his appearance in the polling station and was possibly due to the efforts of more than one participant. Having happened, this keying anchored in material equipment – a “polling station set”, as it were. Now everything, ranging from the location of the tables and ballot-boxes to the placing of the voters’ bodies in space, carries out the function of metacommunicative message “this is play” (Bateson 1955). At that, the participants of the interaction themselves exchange these metacommunicative signals (when ironically addressing each other by their official statuses adding the elements of a performance to what is happening). That is why it seems to be senseless to look for the author of this situation definition: the keying was a result of a continual sense-making process carried out by all voluntary and involuntary

participants of the interaction (including the observers trying to answer the question “What is it that’s going on here?”). It should be also noted that none of the participants of this sense-making process has a monopoly to the “proper” definition of the situation – neither the observers, nor the voters, nor the commission members.

Incorporation of the situation definition into the very set of the polling station takes place with every keying and even when keying is “accidental” (due to some coincidence). The situation definition is often embedded in the place long before this place is arranged for voting; and in such case, the metacommunicative message the place keeps can influence the outcome of the declaration of will. For example, in the town of Livno (Bosnia and Herzegovina), inhabited mostly by Croats, one of the polling stations was arranged in a school that had served as a prison for Bosniaks during the last Bosnian-Croatian conflict. Many Bosniak-voters had been imprisoned in this building and refused to go to vote to the place that they bear some recollection of. The metacommunicative message “this is a polling station” was far weaker than the message “this is a prison”.

Every following transformation is the transformation of an event into a sign of itself. Thus, each following lamination in the structure of interaction comes easier than the previous one. Therefore, keying can be easily followed by fabrication. Further, we shall provide a fragment from the notes of an observation carried out in a remote rural settlement situated 15 km. from Livno.

A vivid atmosphere predominated in the polling station, people were joking and making fun of the occasion. There were a lot of outside people (those who had already voted?) in the room. A woman, the polling station commission Chairman, goes in and out from time to time, loudly addressing the local observers by names. She asks the other members of the election commission in the same loud manner: “Has that one voted yet? All right! Did his children come? Excellent! So, who else here is evading the fulfillment of the civic duty?” The voters constantly trifle with the commission members. It feels as though what is happening is not taken seriously.

Towards the evening, we noticed the fact that the seal on one of the ballot-boxes was damaged. That box was situated right near the Chairman’s table. My colleague noted that only one box had being used during the long period. The second one, in all probability, was under the Chairman’s table. While summing up, it turned out that more than 90% of the voters registered in this polling station had voted – that is much more than our counting showed. When one of the boxes was opened, some ballots dropped out as though it was a pile (which could mean that it was put in the box as a pile). However, the commission members did not pay attention to this – they continued supporting that playful atmosphere and immediately strewed the pile of stuffed ballots over the ballots from another box, pretending to distribute the ballots among themselves. “You, Ivanko, are a bright man, take more ballots – you count fast, and you Ivitsa were a teacher of maths before – here is a pile for you”. That is how the stealthily placed ballots “were intermixed” right before the observers’ eyes. The commission Chairman gave a wink to us, as if she were inviting us to take part in a funny trick.

According to the results of the voting, the *X* party was supported by more than 70% of the voters...

From observers’ reports, Herzegovina

In the fragment given above, a quite typical case of ballot stuffing was described, registered by the observers. (It was registered just because at one point, having suspected a fraud, they started to count the voters). This fabrication (in Goffman’s terms) was

structurally connected with the elements of the types of keying (make-believe, playfulness) that were enabled in the present situation. One could analyze for a long time exactly how the elements of fabrication are correlated to the elements of keying (in other words, “when and how does a game become a fraud?”). We can just presuppose that the keying “prepares the ground” and facilitates fabrication. Thankful to the keying, the elections begin to be recognized as something untrue, false, playful. And what is already perceived as pretence can easily be transformed further – into a swindle.

Other types of reframing

We should note that the examples of keying and fabrication given above are two kinds of transformations, i.e. the mechanisms of transferring some event of interaction from a primary framework to a secondary one. Such interaction frame change is a variety of *reframing*. However, not all types of reframing are connected with keyings and fabrications. Reframing is a more general concept. Reframing takes place each time that the frames of interaction are broken and replaced with new ones. For example, when a “counting of votes” frame breaks and the interaction transforms into a “having it out” frame or a “fight” frame. Fight for the election commission members is not the result of the keying of the counting of votes. But it is very likely a result of the reframing of this counting. So, the electoral frame is replaced with a non-electoral frame without any key.

Can knowledge of the ways of reframing the voting help to explain the outcome of the elections? I shall venture to suppose that in a number of cases – yes.

Case 3. Reframing and minority voting

The electoral system of Croatia is one of the most tolerant towards ethnic minorities. There are from 140 to 160 deputies elected in the Parliament. This number includes eight deputies presenting the ethnic minorities, and from one to ten deputies presenting the Croatian Diaspora. A representative of any ethnic minority can register in the election commission of his electoral constituency in advance, and on the day of election, he will be able to make a choice whether to vote for someone from the general list of the parties and candidates, or for someone from the list of the minority candidates.

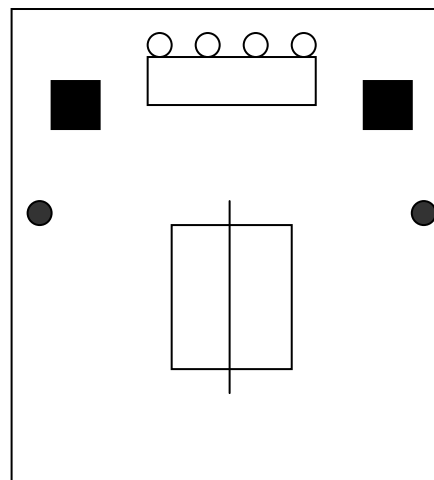
One may dispute as much as he want the political wisdom of such institutional constitution of the electoral system (apparently, it just anchors ethnic division at legislative system level), nevertheless, its advantages are obvious – the representatives of Serbian, Italian, Hungarian and other minorities are given an appreciable freedom of choice. All what is needed is to register in advance: a voter registered in the minorities list can change his opinion and vote “as everybody”, but not otherwise – an unregistered representative of a minority will have to choose from the general list of parties. One could assume that if a person had already made some efforts to register in advance as a voter from minorities, he would definitely choose minority list to vote. However, the results of the voting surprised the analysts in a way. Out of 190 510 voters from the Serbian minorities list, only 25 741 voted for the candidates from the Serbian community. In other minority groups, the correlation between the registered and the voted ones was not so striking, but still pretty remarkable: four to one, on average.²⁹

In Slavonia and Brania, where during a month we were conducting our observation of the process of preparation for the elections and the elections themselves, this disproportion turned to be even worse. It is not surprising, as Slavonia and Brania is one of those regions in Croatia where interethnic relations remain very tense. The town of Vukovar, internationally known for ethnic clearances at the wartime, is situated there.

In the special OSCE mission headquarters, there were mainly two versions discussed to explain the electoral conduct of minority groups: fear to vote for “ethnic” lists, and poor campaign of the candidates from those lists. The first version does not seem convincing enough – the matter is not about the minorities’ representatives in the whole, but just about those who purposefully registered as such before the elections. The second version is even less convincing: given the fact that it requires far less votes to win from the minorities list than to win from an electoral constituency, the campaign, therefore, was fierce and very active.

It is curious enough, the minorities’ representatives often told in the interviews that they were going to take the minorities list until the very last moment, but changed their opinion being in the polling station and gave their vote for the general list. Why? The interviewed found difficulty in answering this question. Nevertheless, judging by the materials of the fieldwork, we can assume that the reframing of the voting procedure – turning the voting to the ethnic selection procedure – was of primary importance there.

Let us view the organization of one of the polling stations in town Osijek, Slavonia and Brania (Scheme 4).

Scheme 4. Reframing of the voting.

On the polling station commission initiative, the room is divided into a space of those who vote for the general list, and those who vote for one of the minorities’ lists. “To facilitate the following process of the counting of votes”, it was decided to make one of the ballot boxes for the minorities usage, while another one – for the votes of the “indigenous population”. The procedure of the ballot distribution was similar to that of selection. A voter approaches a member of the commission, who asks whether (s)he is registered in the minorities list and then whether (s)he wants to vote for “his or her candidates”, and if yes – the voter is directed to a special commission member to receive a ballot “for minorities”. After that, the voter is pointed to “his or her half of the polling station” and is asked to drop his or her ballot in the box bearing the inscription “Minorities”.

Such type of voting reframing – the production and visualization of ethnic distinctions in a polling station – reminds of the mechanism of keying to a frame of rite with the appropriate division of the room into “men’s” and “women’s” parts as in the example involving Albania, described above. However, there is no anything like that here: the division of the polling station does not carry out any symbolic functions and serves only “technical” ends. Nevertheless, its effects on the process of voting are incredibly important here: visualizing the ethnic distinctions and the ethnic marking are the elements of the labeling process (Goffman 1964). In fact, what is at issue is a hidden stigmatization based on quite explicit metacommunicative messages.

This selective frame is supported not only at the metacommunicative level (space organization, action algorithm), but also at the level of direct communication.

In accordance with the protocol, the commissioner must ask a question “Are you registered in one of the minorities lists or only in the general list?” However, in reality the question sounded most often like this: “Are you a Croatian or a minority?” Two voters (with the difference of one hour) answered the question: “I was at the War of Independence! I was born here!” After that, a commissioner handed the voter a ballot for the general list.

Being for three hours at the polling station, we counted 18 voters who were registered in the minorities’ lists, but who eventually voted for the general list of parties.

The very question of the commissioner can sharply change the frame of interaction – to replace the electoral context with the “ethnocentric” one. However, such turn has already taken place – it is “built-in”, incorporated in the material setting of the voting process at this polling station.

We do not concern the question whether such electoral experience organization is an intentional action aimed at reducing the “ethnic voting”. What is important here is that reframing of the situation imparted essentially different, non-electoral connotation to the voting. Therefore, it changed the architecture of the voting as a social event and, indirectly, influenced its outcome.

Preliminary conclusions

Here we need to return to the initial formulation of the problem and to ask again: to what extent does this microsociological perspective of political phenomena consideration have a right for existence? Indeed, this version of frame analysis does not distinguish in the description between “political” and “non-political” actions. For it, these distinctions are the distinctions of frames (for example, a political action can be framed as a ritual, sporting event or playing one), therefore, these are structural distinctions, rather than qualitative ones. Accordingly, analysis of “voting” frames is not methodologically different from analysis of “watching TV” frames (Vakhshtayn 2008), or from the “interaction with ATM in a shopping mal” frames (Vakhshtayn 2009). Is this method appropriate for the traditional political research? The research on electoral conduct (Prysby 1989), (Branton 2003), (Kostadinova 2006), (Mylonas, Roussias 2008) operates with essentially different explanatory models. For example, the conduct of various minority groups during the elections in Croatia can acquire a whole number of explanations ranging from a suggestion that the refusal to vote for the ethnic list is conditioned by some irrational considerations of the voters or by their pragmatic

aspiration to derive benefit from the outcome of the elections, to some macro-institutional factors. In macro-models, independent variables are constituency organization, economic and geographical characteristics, and migration flows, while dependent variable is one – the outcome of the elections. In either case, the very fact of voting as a concrete here-and-now situationally defined action is axiomatically ignored. The task of microsociology is to demonstrate how important this contextuality is for the understanding of political process overall.

It would be erroneous to point to the axiomatic constraints of the electoral conduct research ignoring the axiomatic constraints of frame analysis. Goffman, whom microsociology inherited methodological imperative of the explanation of “social as everyday” from, predetermined in many respects the optics of our research. His axiomatics contains the view of any social and political fact (“free expression of popular will” in particular) as a derivative from some patterned local interactions. This social / political fact cannot exist independently without contextually defined actions of people. Interaction in the polling station is a process of producing the elections as a political fact. The analysis of the frames of this process allows us to understand the peculiarity of this “product”.

Finally, this version of frame-analysis described above fails to conform not only to the classical political research, but also to other versions of the frame-analytical theory. Particularly, the matter is not about a struggle for the right to place an event to this or that frame giving an appropriate interpretation to it. The electoral experience in question is pre-interpretative (and, in some cases, pre-reflexive) in a way. The analysis concerns the structures of observable behavior but not the structures of narratives. However, there are far less distinctions than it seems at first glance. After all, the task here is formulated in a similar manner meaning “linking text to its context” (just instead of text we deal with observable interactions). One can notice that, for example, the fixed mechanisms of keying and rekeying are the mechanisms of metaphorization. Turning voting to a religious rite or a festival is “to put it in quotes”, while metacommunicative messages (non-verbal ones first of all) make it possible to perform such management in “behavioral metaphors”. Nevertheless, the analysis of the “metaphors of behavior”, by analogy with “language metaphors”, is not the only thing the productive synthesis of different versions of frame analysis can give us.

The key question we tried to find an answer for in the illustrations provided above was: “What happens to the voting event when it is being keyed and reframed”? The most common (but not a satisfactory one) answer is that it is becoming *a sign of itself*. Doing so, the event is schematized, and its intonation is changed. Some elements (more often, the symbolic ones) are strengthened and hypertrophied, while the others are erased. Which elements are erased and which are just strengthened? Perhaps, it depends on the “key” (ceremonial or playfulness transform an event in a considerable different ways).

Another question we do not have a perspicuous answer for so far is that: What are frames based on? Where are they rooted in? Three most prevalent answers are that they are in cognitive schemes (Zerubavel 1991), in communication (Tannen, Wallat 1987), or in material objects (Latour 1996). Our illustrations show that all these hypotheses are equally possible being proved. Transposition of voting from an electoral frame to a frame of rite or festival in Albania took place because the “voting” frame itself as a cognitive matrix had not formed yet. Long existing political culture that would make the actions within the electoral frame stable and reproducible is lacking there. However, the only

cognitive explanations are seemingly not enough. It is also evident that frames can vary during the process of communication (we faced this phenomenon in the case of Croatian elections). Finally, in every illustration, material equipment and setting of a polling station played a specific role – the alteration of a situation definition was fixed each time not only cognitively or communicatively, but physically as well. Perhaps, it is hardly safe to make choice for just one of these explanatory models.

In addition, here is the last question. Can we state further that there is some primary electoral voting frame (apparently, the one described in OSCE handbooks) and that there are various deviations from it (in the form of rekeyings and reframings)? Then, it would mean that those rites, festivals, games and contests that the voting event turns to due to a transposition are a kind of copies of what is invisible in reality, but what is described in details in the handbook. However, we have to refrain from indulging in this attractive illusion. The handbook is a paramount reality only for a remote and poorly trained observer. Voting as a rite and voting as a play are not less real than voting in its literal frame. Goffman makes similar conclusion noticing that “When we decide that something is unreal, the reality it isn’t need not itself be very real, indeed, can just as well be a dramatization of events as the events themselves – or a rehearsal of dramatization, or a painting of the rehearsal, or a reproduction of the painting. Any of these latter can serve as original of which something is a mere mock-up, leading one to think that what is sovereign is relationship, not substance” (Goffman 1986: 561). In our case it means that it is not frame (regardless whether it is a part of a primary framework or a transposed one) that has sovereignty, but it is a mobile and compound process of sense-making in which voters, commissioners, international observers and their reports readers are involved.

REFERENCES

- Bateson G. (1955). The message “This is play”. In B. Schaffner (ed.) *Group processes*. New York: Josiah Macy, Jr., Foundation Proceedings.
- Bateson G. (1972). Steps to an ecology of mind. New York: Ballantine.
- Bakhtin M.M. (1993). Rabelais and his world. Trans. Hélène Iswolsky. Bloomington: Indiana University Press.
- Branton R.P. (2003). Examining Individual-Level Voting Behavior on State Ballot Propositions. *Political Research Quarterly*. Sep., Vol. 56: pp. 367-377.
- Fillmore C.J. (1976). The need for frame semantics within linguistics. In *Statistical methods in linguistics*. Pp. 5 – 29. Stockholm: Skriptor.
- Goffman E. (1964). Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Goffman E. (1967). Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. New York: Anchor.
- Goffman E. (2000). A reply to Denzin and Keller. In G.A. Fine, G. Smith. (eds.) *Erving Goffman*. Vol. 4., pp. 79-91. London: Sage Publications.
- Harré R., Moghaddam F.M., Cairnie T.P., Rothbart D., Sabat S.R. (2009). Recent advances in positioning theory. *Theory & Psychology*. Feb., Vol. 19: pp. 5-31.
- James W. (1950). Principles of psychology. Vol. 2. Chap. 21. New York: Dover Publications.
- Kostadinova T. (2006). Party strategies and voter behavior in the East European mixed election systems. *Party Politics*. Jan., Vol. 12: pp. 121-143.
- Latour B. (1996). On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity* Vol. 3. № 4.
- Maynard D. (2000). Frame analysis of plea bargaining. In G.A. Fine, G. Smith. (eds.) *Erving Goffman*. Vol. 3., pp. 56-77. London: Sage Publications.

- Minsky M.L. (1975). A framework for representing knowledge. In Winston P.H. (ed.), *The Psychology of Computer Vision*, p. 211-277. McGraw-Hill, New York.
- Mylonas H., Roussias N. (2008). When do votes count? Regime type, electoral conduct, and political competition in Africa. *Comparative Political Studies*. Nov., Vol. 41: pp. 1466-1491.
- Prysby C.L. (1989). The structure of Southern electoral behavior. *American Politics Research*. Apr., Vol. 17: pp. 163-180.
- Rein M., Schön D. (1993). Reframing policy discourse. In F. Fischer and J. Forester (eds.) *The argumentative turn in policy analysis and planning*, pp. 145-166. Durham, NC: Duke University Press.
- Schank R.C., Abelson R. (1977). Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Schutz A. (1945). On Multiple realities. *Philosophy and Phenomenological Research*, 5 (4), pp. 533-576.
- Schegloff E. (2000) Goffman and the Analysis of Conversation. In G.A. Fine, G. Smith. (eds.) *Erving Goffman*. Vol. 1. London: Sage Publications.
- Smith E.R., DeCoster J. (2000). Dual-process models in social and cognitive psychology: conceptual integration and links to underlying memory systems. *Personality and Social Psychology Review*. May., Vol. 4: pp. 108-131.
- Snow D., Benford R. (1992) Master frames and cycles of protest. In Allison Morris and Carol Mueller (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press.
- Tannen D., Wallat S. (1987). Interactive frames and knowledge schemas in interaction: examples from a medical examination / interview. *Social psychology quarterly*. Vol. 50, No. 2, pp. 205-216.
- Tsurikova L.V. (2001). Problems of cognitive discourse analysis in contemporary linguistics. *Vestnik MGU*. No. 2, pp. 23-42. [In Russian]
- Vakhshtayn V. (2008). The social logic of public places: frames of human-machine interactions in a shopping mall. *Prognosis*. 4 (12): pp. 21-37. [In Russian]
- Vakhshtayn V. (2009). Frame analysis of TV-watching. In V. Vakhshtayn *Frame analysis and sociology of everyday life*. Moscow: Higher School of Economics Press. [In Russian]
- Zerubavel E. (1991). *The fine line: boundaries and distinctions in everyday life*. New York: Free Press.
- Gentner Debrah "Metaphor is like analogy" ???

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ РЕГИОНОВ РОССИИ: 5 ЛЕТ РЕАЛИЗАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.И. Лапин

Пять лет комплексной программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: итоги и задачи

Настоящий том содержит материалы 5-й ежегодной конференции, которая проводится в рамках комплексной программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Авторами этих материалов являются специалисты из 19 субъектов Российской Федерации. Многие из них – ветераны нашей Программы, активные ее участники с 2005 года. Всех нас радует, что ежегодно в программу включаются специалисты из новых регионов. И в данном томе мы находим тексты наших новых коллег: из Астраханской, Волгоградской областей.

Пять лет осуществления Программы – срок достаточный, чтобы подвести некоторые итоги. Созданы портреты 9 регионов, готовятся еще около 10 портретов – это свыше 20% всех субъектов России. Сложилась представительная по ряду ключевых параметров самовыборка регионов страны. Некоторые исследовательские коллективы перешли или переходят в мониторинговый ритм изучения социокультурных изменений в своих регионах, накапливают опыт межрегиональных сопоставлений.

Опубликованы 5 томов материалов конференций, 9 монографий, свыше 150 статей. По результатам нашей программы на Третьем Всероссийском социологическом конгрессе (Москва, октябрь 2008 г.) активно работала специальная сессия 15, в которой приняли участие многие из авторов данного тома. На основе портретов восьми регионов подготовлена и выходит в свет коллективная монография «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (свыше 50 п.л.). Большинство портретов обсуждены и одобрены в региональных структурах власти, получили позитивную оценку в средствах массовой информации, их результаты входят в интеллектуальную и общественную жизнь регионов. При Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН создан Научно-координационный совет по проблематике нашей программы; в его состав входят руководители исследовательских проектов по подготовке портретов регионов, другие известные специалисты. Материалы программы получают отражение в Интернете – на специальной странице сайта Института философии РАН; здесь размещены электронная библиотека изданий Программы, библиография ее участников и другие материалы, которые пополняются по предложениям участников Программы.

Содержательные результаты Программы весьма разнообразны. Упомяну лишь некоторые из них, представленные в упомянутой коллективной монографии. Важной характеристикой проведенных исследований является комплексность, разносторонность информации о российских регионах, в которой звучат голоса различных слоев населения о своем регионе и своей жизни. Полученные результаты позволяют сравнивать регионы не только по данным статистики, но и с помощью социологических опросов различных групп населения, экспертных

оценок. Другая сторона комплексности состоит в методически обеспеченной сопоставимости региональных результатов с данными всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», который ЦИСИ ИФРАН осуществляет с 1990 г. раз в 4 года (шестой опрос состоится в 2010 году).

Портреты восьми регионов подтверждают исходную гипотезу о том, что в каждом из них население располагает значительным человеческим потенциалом, который, однако, лишь в небольшой части преобразуется в активный социальный и культурный капитал. Это сдерживает переход России к инновационному экономическому росту и современному качеству жизни всего населения. Портреты позволяют точнее представить региональный профиль этих и других актуальных проблем, помогают органам власти вырабатывать адекватную стратегию развития регионов.

Пройден лишь первый этап реализации Программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Для дальнейшего содержательного ее развития важно более реалистично определить те факторы, которые могут укрепить регионы как социокультурные сообщества в составе большого российского общества, в том числе в условиях финансово-экономического кризиса. В особенности необходимо исследовать и наметить способы преодоления своеобразной «застойности» инновационной, правоохранительной, управленческой и иных сфер жизнедеятельности регионов и всего российского общества; предстоит глубже и конкретнее вникнуть в проблему проблем – факторы депопуляции населения, способы противодействия им. Словом, впереди сложные задачи повышения качества исследований, уровня теоретических и прикладных результатов, получающих отражение в портретах регионов.

Ключевая задача – получать такие результаты, которые бы активно и широко входили в сознание социальных субъектов и в практику управления развитием регионов. Видятся несколько актуальных способов получения таких результатов:

- при проведении опросов строго соблюдать требования к качеству выборки, обеспечивая репрезентативность выборочной совокупности респондентов по четырем базовым параметрам: пол, возраст, тип поселения, уровень образования;
- активно освоить обновленную структуру портрета (10 разделов вместо 7), которая позволяет максимально полно использовать информацию, получаемую с помощью социологических опросов, с учетом статистических данных;
- уверенно переходить к мониторинговому ритму подготовки портретов, который позволит выявлять социокультурную динамику регионов; опыт свидетельствует о продуктивности такого варианта мониторинга: репрезентативные опросы – через каждые 4 года; между ними – углубленные экспертные опросы по наиболее сложным проблемам и уточнению методики следующего репрезентативного опроса (например, для анализа взаимовлияния финансово-экономического кризиса и социокультурной эволюции регионов);
- сохранять единство методической базы всех портретов регионов, продолжать создание стандартизованных баз данных, взаимный обмен ими между исследовательскими коллективами различных регионов;
- культивировать методологию межрегиональных и регионально-страновых сопоставлений, которая позволяет глубже понимать особенности своих регионов и их включенность в процессы, захватывающие более обширные социокультурные пространства – федеральные округа, культурные миры, общероссийский социум, глобальные структуры;

- преодолеть дефицит специалистов в исследовательских коллективах по некоторым разделам портрета – таким как социальное самочувствие, ценности, инновации, правонарушения, управление;

- рассматривать формирование выводов и практических рекомендаций в качестве интегрирующей исследовательской функции, используя при этом инновационные методы взаимодействия исследователей и работников органов управления (законодательных и исполнительных), заинтересованных в этих результатах;

- создавать учебные курсы по социологии регионального развития, продвигая их преподавание в университетах и институтах, в том числе педагогических, в учреждениях Академии государственной службы; это один из важнейших путей распространения получаемых уникальных знаний о регионах России среди студентов и аспирантов, молодых государственных служащих, преподавателей вузов и будущих педагогов;

- содействовать включению специалистов других субъектов соответствующих федеральных округов в Программу «Социокультурная эволюция России и ее регионов», в том числе путем организации окружных научно-практических конференций по проблемам подготовки портретов регионов, - для этого также могут быть использованы возможности получения грантов РГНФ по региональным конкурсам.

Это лишь некоторые способы повышения качества исследований и представления их результатов - социокультурных портретов регионов. Перечень таких способов можно пополнить по результатам работы конференции.

Каждая конференция нашей Программы имеет свой проблемно-тематический ориентир. Девиз 5-й конференции - **«Социокультурные основания стратегии развития регионов России»**. Ее участникам предстоит в устных докладах и выступлениях, в дополнение к публикуемым текстам, возможно четче акцентировать социокультурные предпосылки формирования и факторы реализации комплексной стратегии развития регионов. Желательно получить целостное понимание фундаментальных и прикладных аспектов темы конференции. Надеюсь, многие внесут свой вклад в такое понимание.

Предложения участников конференции позволят отразить в ее резолюции картину наших дальнейших действий.

В заключение следует подчеркнуть, что Программа «Социокультурная эволюция России и ее регионов», исследования и подготовка портретов регионов, организация конференций стали возможны благодаря систематической поддержке со стороны РГНФ, за что все мы весьма признательны экспертам и руководству Фонда.

Особую благодарность за гостеприимство мы выражаем организаторам 5-й конференции – директору Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы к.т.н., доценту В.Н.Герасимову, первому заместителю директора, к.п.н., доценту А.И.Винокурову, всем преподавателям, сотрудникам Смоленского филиала Орловской РАГС, которые выполнили большую подготовительную работу, включая издание настоящего тома.

Все это и позволило нам собраться и продуктивно поработать здесь, на древней Смоленской земле, жители которой прославили ее своим трудом и ратными подвигами.

Руководитель Программы,

Приложения

Таблица 1

Сферы и параметры региона как социокультурного сообщества (Разделы социокультурного портрета региона)

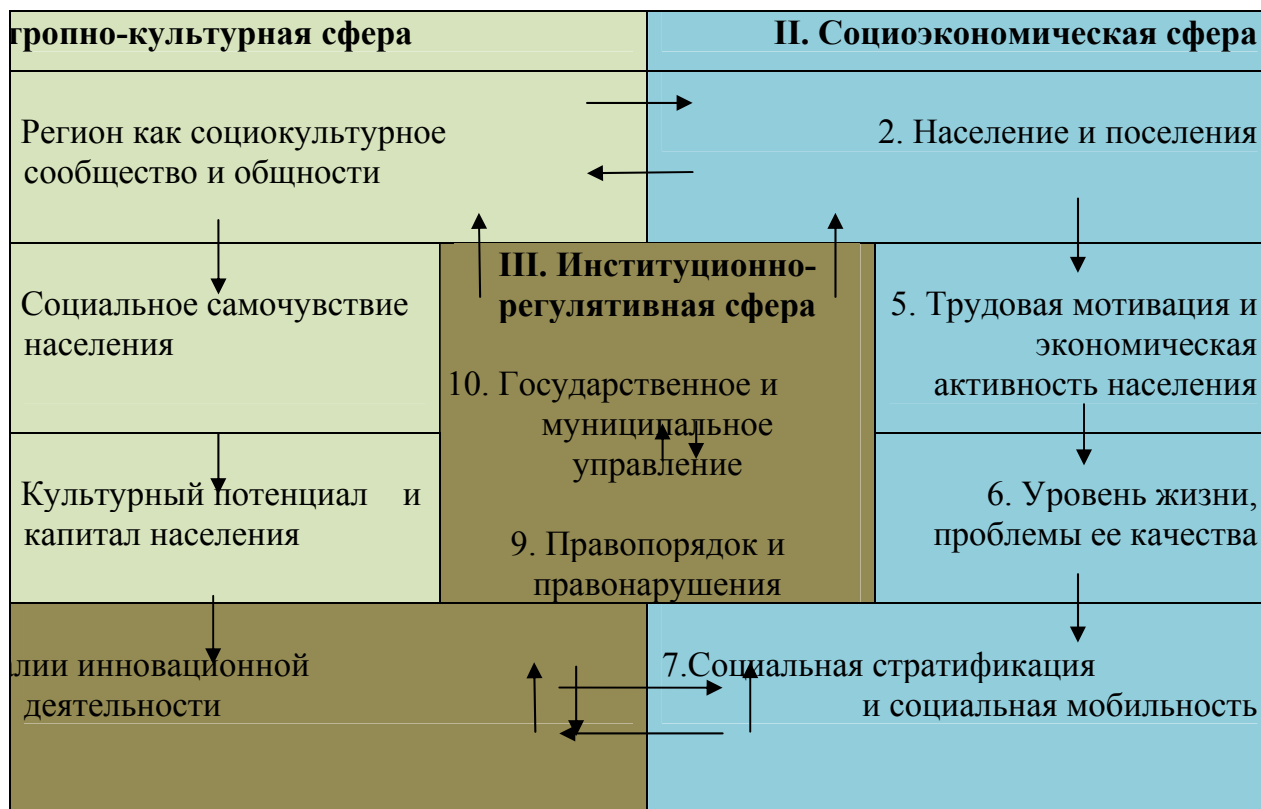

Таблица 2

Регионы, в которых созданы и создаются социокультурные портреты (22)

Федеральные округа	Субъекты Российской Федерации
Центральный (4)	Курская, Московская, Смоленская, Тульская области, г. Москва
Северо-Западный (2)	Республика Карелия, Вологодская область
Южный (5)	Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская области
Приволжский (4)	Республика Татарстан, Чувашская Республика, Пермский край, Ульяновская область
Уральский (4)	Свердловская, Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО
Сибирский (3)	Республика Бурятия, Красноярский край, Новосибирская область
Дальневосточный (0)	

Таблица 3

Публикации по теме «Социокультурные портреты регионов» (монографии, сборники)

Авторы, отв. ред.	Названия, годы
Н.И.Лапин, Л.А.Беляева (отв. ред)	Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. М., ИФРАН, 2006
Редколлегия: В.А.Давы-денко, В.В.Мельник, Г.Ф.Ромашкина	Опыт апробации Типовой методики «Социологический портрет региона». Части 1, 2. Тюмень, ТГУ, 2006
Рук. авт. колл., прогр.: Г.Ф.Куцев, Г.С.Корепа-нов, Н.И.Лапин	Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень, Тюменская областная Дума, 2007
Е.А.Когай (отв. ред.)	Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. Курск, КГУ, 2007
ЕА.Когай, Т.Г.Кульсеева, Ю.М.Пасовец, А.А.Телегин	Социокультурный портрет Курской области. Курск, КГУ, 2008
В.М.Пивоев, В.Н.Бирин, Л.П.Швец, Н.В.Ижилова	Социокультурный портрет Республики Карелия. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 2007
Н.В.Дергунова, А.В.Волков (отв. ред.)	Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области. Ульяновск, Ульяновский ГУ, 2008
Е.Б.Плотникова, Н.В.Борисова (отв. ред.)	Социологический портрет Пермского края: региональные социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций. Пермь, ПермГУ, 2008
А.В.Баранов, И.В.Мирошниченко	Итоги социологического исследования «Социологический портрет Краснодарского края и перспективы региональной политики». Армавир, КубГУ, 2008
В.И.Мосин, М.С.Журавлев, Ю.В.Назаров, А.В.Романов	Социологический портрет Тульской области. Тула, изд-во ТГПУ, 2008

Таблица 4

Дифференциация регионов России по уровню ИРЧП, 2006 г.

Уровни ИРЧП		Диапазоны ИРЧП	Число регионов	Доля в населении РФ (%)	Регионы (по уменьшению значений ИРЧП)
Междуна-родные	Внутри-российские				
Высокий	Высокий	0,800 – 0,907	12	30,4	Москва, Тюменская обл., Санкт-Петербург, Р.Татарстан, Томская обл., Белгородская обл., Липецкая обл.,

					Красноярский край, Р.Башкортостан, Самарская обл., Свердловская обл., Вологодская обл.
Средний	Средний	0,770 – 0,799	30	43,0	Р.Коми ..... Астраханская обл.
	Ниже средн.	0,740 – 0,769	30	22,9	Ульяновская обл. ..... Чукотский АО
	Низкий	0,691 – 0,739	8	3,7	Ивановская обл., Еврейская а.обл., Читинская обл., Псковская обл., Чеченская Р., Р.Алтай, Р.Ингушетия, Р.Тыва

Таблица 5

**Восемь регионов. Рост человеческого потенциала
и динамика сбалансированности его параметров (2000-2006 гг.)**

Ступени ИРЧП	Годы	Стадии сбалансированности параметров (значения Исб)					
		Очень низкая: менее 0,200	Низкая: 0,200- до 0,250	Ниже среднег о: 0,250- до 0,300	Средняя: 0,300- до 0,350	Выше среднего: 0,350- до 0,400	Высока я: 0,400- до 0,450
1.1. Высшая: 0,850 и выше	2006	Тюмен. обл.					
	2000						
1.2. Высокая: 0,800 до 0,850	2006					Вологод. обл.	
	2000				Тюмен. обл.		
2.1. Выше средней 0,785 до 0,800	2006				Пермски й край		
	2000						
2.2. Средняя: 0,770 до 0,785	2006				Курская обл.	Чувашск ая Р. Р. Карелия	
	2000						
2.3. Ниже	2006						Ульянов.

средней 0,755 до 0,770				Смолен ск. обл			обл.
	2000			Пермск ий край		Вологод. обл.	
2.4. Низкая: 0,740 до 0,755	2006						
	2000		Курская обл.	Ульянов. обл.			
2.5. Низшая: до 0,740	2006						
	2000	Смоленс к.обл	Р.Карел ия				
		Чуваши ская Р.					

Таблица 6

**Восемь регионов: внутренние затраты на исследования
и доля инновационных товаров и услуг в отгруженной продукции, 2000-2006
гг.**

затели		РФ	К урск. обл.	См ол. обл .	Вол ог. обл.	Р. Каре- ли я	Уль ян. обла сть	Чув аш- ская Р.	Пер мс- кий кр.	Тюм ен. реги он
Внутренн ие затраты на 1 сотрудни ка (тыс. руб.)	07	463,2	729,0	617 ,0	358, 2	404,2	429, 4	330, 2	528, 7	760, 0
	20 06	3 57,8	531,1	414 ,7	234, 7	262,4	346, 7	148, 5	386, 9	620, 2
	20 00	8 6,4	100,7	72, 8	75,7	48,4	109, 2	45,0	72,5	167, 5
Внутренн ие затраты на 1 организац ию (млн. руб.)	20 07	93,8	129,6	42, 2	8,0	23,9	126, 4	16,4	113, 4	103, 2
	20 06	7 9,7	96,0	37, 3	8,2	14,2	119, 6	13,2	85,6	68,1
	20 00	1 8,7	8,5	5,0	2,5	5,7	53,4	6,8	20,4	14,9
Доля инноваци онных товаров (%) в отгру- женной продукции	20 07	4,6	2,1	1,6	7,5	0,3	17,8	8,4	12,4	0,6
	20 06	4,5	2,5	1,1	5,5	0,5	11,8	3,5	20,8	0,4
	20 00	4,4	3,2	6,5	8,6	14,9	5,4	3,3	3,4	1,7

<i>Коэффициент современности/традиционности структуры ценностей</i>								
1,06	1,13	1,06	1,14	1,16	1,13	1,08	1,11	1,16

*Приведены сокращенные наименования регионов: «Курск.» означает «Курская область»; и т.д. Порядок перечисления ценностей в каждом столбце соответствует их рейтингам в России и регионах: от № 1 до № 14. Коэффициент получен как частное от деления уровня поддержки населением (по 5-балльной шкале) современных ценностей на уровень поддержки традиционных ценностей. В табл. выделены цветом ценности, которые в сознании населения соответствующих регионов находятся в *иных* функциональных слоях по сравнению со слоями сознания россиян по данным общероссийской выборки. Такие отклонения оказались в каждом регионе, что свидетельствует о своеобразии их структур ценностей. Максимальное число отклонений наблюдается в Чувашской республике (7) и в республике Карелия (6), а минимальное (по 3) – в Курской области и Пермском крае. Всего обнаружилось 34 случая отклонений из 114 «ценностных ячеек» 8 регионов, т.е. около 30%. Иными словами, налицо более 70% соответствий между общероссийскими и региональными ценностными структурами – это достаточно высокий показатель единства ценностного пространства России.

МИР ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА

Кожевникова Е.

Элитарное и массовое в театральном искусстве: социальное конструирование границ и мотивы потребления

Работа была посвящена исследованию театральной публики как особой социальной категории. Актуальность исследования была обусловлена двумя аспектами: теоретико-методологическим и прикладным. Первый имеет отношение к анализу эпистемологической силы традиционной для социологии искусства бинарной оппозиции «элитарное» и «массовое» и возможностей её фиксации через индикаторы на эмпирическом материале. Второй аспект имеет отношение к использованию результатов исследования в качестве оснований для развития новых подходов к категоризации публик, в качестве материалов для проектирования социальной политики в области культуры, а также для построения частных проектов управления театрами.

Возможность использования традиционной оппозиции «элитарного» и «массового» как оснований для категоризации публик организаций искусства, ставится под сомнение в условиях постепенного складывания так называемой культуры маркетинга (*pubrow*), в которой теряют своё определяющее значение прежние категорирующие оппозиции и различия. Дополнительную сложность в проблематику «элитарного» и «массового» вносят комментарии исследователей по поводу оценочного оттенка этих терминов и отсутствия их более или менее стабильных научных операционализаций и индикаторов. Параллельно с этими процессами наблюдается постепенная социальная и экономическая трансформация театральной сферы, касающаяся государственной поддержки театров,

организационных принципов управления театрами, профессионального состава и уровня мастерства рабочей силы и социально-экономической структуры публики. В связи с этим многочисленные средства массовой информации спекулируют на тему «кризиса русского репертуарного» театра, подводя под его основания нерелевантные факторы и явления театральной сферы. Одновременно, сам институт русского театра в комплексе с профессиональными исследователями и театроведами) не может предоставить адекватный с эпистемологической и методологической точки зрения материал, чтобы сделать возможным изменение в необходимую сторону государственной политики в отношении театра. Текущие исследования оказываются несостоятельными либо в силу непрояснённых эпистемологических оснований, либо в силу своего сильного уклона в маркетинговые мониторинги публики.

Методология исследования была комплексной и состояла из предварительной серии экспертных интервью со специалистами в исследуемой области, методологически строго отбора театров и театральных постановок «открытого» и «закрытого» характера, посетителями которых могут стать, соответственно, представители так называемой «массовой» публики и «театрального бомонда». В ходе исследования были проведены 49 одиночных и диадных интервью, соотношение между «закрытыми» и «открытыми» постановками в которых составило 1 к 2 соответственно.

В нашем исследовании мы обратились к глубинным основаниям разделения «продуктов» культуры и её публик по категориям «элитарное» и «массовое» и вывели наиболее стабильные индикаторы этих переменных. Применяя герменевтический анализ текстов полуструктурированных интервью, мы фальсифицировали возможность применения дихотомии «элитарное» и «массовое» к мотивам посещения театра зрителями и их установкам по отношению к спектаклям. Выявленные нами на основе строгого анализа индикаторы этих переменных не обнаружили постоянной и консистентной модели в высказываниях респондентов. В связи с этим, мы можем говорить о том, что критерии, традиционно выделяемые как российскими, так и зарубежными классиками искусствоведения и социологии искусства, оказываются ненадёжными при непосредственном определении категорий «элитарного» и «массового» типа зрителей по непосредственно доступному вербальному материалу (без применения герменевтического анализа). В частности, не подтвердили свое надёжности параметры доминирующих мотивов посещения театра, «художественного» или эстетического восприятия и «жизненного» переживания в рамках спектакля, оценки сюжета или постановки, ассоциирования себя с героями постановки, эмоциональной реакции на спектакль и, наконец, частоты посещения театра.

Герменевтический анализ высказываний респондентов дал нам масштабные возможности по интерпретации и выявлению глубинных моделей, согласно которым публика формулирует свои предпочтения в выборе театров и театральных постановок. Модель была построена на доказавших свою валидность и надёжность в рамках нашего исследования бинарных оппозициях, таких как гедонистический или анализирующий интерес к театру, одномерное или многомерное восприятие постановок, а также рефлексия «над» или «внутри» постановки. Каждая из этих оппозиций обладает определёнными вербализуемыми индикаторами, а также соответствует определённой внутренне консистентной модели рассуждения респондента и его способу говорения о театре (спектакле).

На основании этих оппозиций мы сконструировали две оси классификации театральной публики, которые могут служить основаниями дальнейших исследований в этой области. Это оси «развлечение» – «размышление» и «сноб» – «ритуалист». Указанные нами оси определяют внутренне консистентные модели поведения театральной публики Москвы. Потенциально, эти принципы организации поведения досуга в сфере театра могут быть перенесены на исследование публик других организаций культуры и развлечений, с тем, чтобы расширить поле применения результатов проведённого исследования.

Чтобы обосновать научность сконструированной нами классификации, мы верифицировали её на имеющемся у нас материале и получили подтверждение её валидности и надёжности. При этом мы также выявили, что модель не всегда даёт возможность однозначной категоризации театральной публики, то есть имеет ограничения по применению в реальности, однако именно это и доказывает её научность. Однако мультикритериальное свойство нашей модели позволяет избежать принципиально значимых сдвигов в определении типологии зрителей театра (иными словами, если некоторые критерии поведения зрителей, их моделей восприятия спектакля или мотивов посещения театра выражены недостаточно ярко, «достроить» тип зрителя можно исходя из других, также валидных оппозиций).

Достаточно обобщённые выводы по результатам исследования даны в силу того, что максимальные усилия были приложены к реконструкции глубинных смыслов из полноценных текстов-высказываний респондентов. Соответственно, ключевой целью герменевтического анализа было выявление глубинных консистентных моделей и концентрация смыслов из текстов вербализованного поведения респондентов.

Результаты нашей работы имеют междисциплинарную значимость и могут служить основанием для дальнейших исследований по проблемам социологии искусства и искусствоведения. Сконструированная нами классификация театральной публики имеет потенциал развития в аппарат количественного исследования. Иными словами, в ней заложена возможность инструментально применения в целевом анализе аудиторий отдельных театров, или более масштабных исследований в сфере «потребления» продуктов культуры. Это доказывает принципиальную важность нашей модели при формировании культурной политики в рамках города или организационной политики в рамках конкретных театров.

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ: НОВЕЙШИЕ ФАКТЫ И ТРЕНДЫ

Шилова В.А.

Тренды потребления в современной отечественной рекламе

Процесс социализации проходит при помощи агентов социализации, которыми на ранних стадиях выступают родители, а на более поздних - учителя и сверстники. Однако реальность настолько многогранна, что никто не в силах запомнить ее во всех нюансах и мелочах и для того, чтобы адекватно её воспринимать и действовать в ней, человек строит для себя модели окружающей его действительности с целью её упрощения и облегчения восприятия. Наиболее распространённой моделью является стереотип. Стоит заметить, что стереотипы возникают под влиянием именно агентов социализации, то есть, являются социально обусловленными.

У. Липманн дает следующее определение: стереотипы — это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира «в голове» человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права [1].

В.З. Демьянков считает что «стереотип (stereotype) – стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп» [2], а Т. Шибутани определяет социальный стереотип как «популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей, с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [3]. Стоит отметить, что любой стереотип - это не только упрощенное восприятие реальности, но и некоторая субстанция, состоящая из набора образов, признаков, по которым мы определяем, к какому из наших стереотипов относится происходящее вокруг нас.

Современный человек с раннего детства повсеместно окружен рекламой. Уже на первых этапах социализации реклама становится значимым источником информации для ребенка: яркие краски, ритмичная музыка, броские фразы, неожиданные анимационные эффекты привлекают внимание и надолго сохраняются в памяти. Реклама давно превратилась в символический обмен, в процессе которого одновременно происходит «овеществление» ценностей господствующих в данном обществе, формирование определенного образа, а в дальнейшем и спроса на этот образ, продается не сам товар, а некоторые социальные отношения связанные с этим товаром.

В поисковом исследовании, которое было проведено в рамках проекта РГНФ «Особенности формирования личности под воздействием современных коммуникативных технологий в России», № 08-03-00-608 а, руководитель к. социол. н. В.А. Шилова, нами были зафиксированы стереотипы, продуцируемые современной рекламной продукцией (телевизионными роликами), ориентированной на молодежную аудиторию, с одной стороны, и наличие подобных же образов в сознании молодежной аудитории, с другой.

Суть нашего исследовательского эксперимента заключалась в том, что мы на основании рейтингов частоты показов рекламных роликов, отобрали двадцать рекламных хитов. Показали их сначала первой экспертной группе (40 человек), которая состояла из молодых людей в возрасте от 16 до 26 лет, 20 девушек и 20 юношей, проживающих в городе Москве и с разной частотой смотрящих ТВ, с просьбой выделить в каждом рекламном ролике основной стереотип и назвать его. На следующем этапе второй экспертной группе (40 человек) максимально соответствующей по характеристикам отбора первой группе, предложили список стереотипов (названий), которые выделила первая группа и, не показывая рекламы, предложили описать, как они представляют эти стереотипы.

По результатам нашего исследования мы выделили три основных категории стереотипов продуцируемых современной рекламой:

Первая категория - это стереотипы, которые абсолютно точно воспроизводятся обеими экспертными группами (то есть их представление в рекламе полностью соответствует представлению в сознании наших респондентов).

Стереотип «красивой жизни и ее атрибутов», давно эксплуатируется рекламой, поэтому он четко выражен и практически идентично присутствует в представлениях и первой, и второй группы наших экспертов. Данный стереотип выражается в наличии дорогих машин, красивых высоких женщин, дорогих украшений и аксессуаров, безграничных финансовых возможностях.

Стереотип «красота=уверенность=успех» выражается в стремлении каждого человека хорошо выглядеть. Как и стереотип «красивой жизни» давно присутствует в рекламном дискурсе средств личной гигиены, косметики, фитнеса, пластической хирургии и т.д. «Красота залог успеха!». Большинство респондентов обеих экспериментальных групп выделили и идентично описали данный стереотип. Стереотипы «женщины много разговаривают по телефону» и «женской несдержанности в покупках» также присутствуют у большинства респондентов обеих экспертных групп, в 90% совпадает описание поведенческих характеристик.

Вторая категория – это стереотипы, которые присутствуют аналогично представлению в рекламном ролике лишь в сознании части аудитории. Можно предположить, что это стереотипы, которые разделяются социокультурными группами. Стереотипы «кофе обязательный атрибут утра» и «все новое лучше» разделяет треть респондентов. Наиболее часто и точно эти стереотипы описывались более молодой частью экспертной группы. Стереотипы «расправы над инакомыслящими» и «важности следить за качеством вещей при покупке» более точно транслировались старшей возрастной группой. К этой же категории относятся стереотипы «заботливая мама-волшебница, все сделает для своего ребенка» и «заботливые родители покупают все самое лучшее для своих детей».

Третья группа – это стереотипы, которые присутствуют в рекламных роликах, фиксируются при их просмотре первой экспертной группы, но вторая экспертная группа расшифровывает их по-разному или не может расшифровать вовсе.

Так у опрошенных респондентов нет точного единого представления об офисных сотрудниках. Не разделили респонденты и стереотипы «деловому человеку некогда правильно питаться, поэтому он ест то, что попадает ему под руки», «безлимитная связь – это залог успеха в бизнесе». Нет единого представления об «отношение любящего отца к своим детям» и о «крутых

парнях», есть многообразие мнений, но они не имеют единого вектора интерпретаций. К этой категории мы отнесли также стереотип: «легкости в удовлетворении потребностей».

Выдвинутая нами основная гипотеза о том, что частота контактов с роликом несущим определенный стереотип, влияет на формирование аналогичного стереотипа у человека, в результате нашего эксперимента полностью подтвердилась. Нам удалось зафиксировать зависимость частоты телесмотрения респондентом и схожести его стереотипов с рекламными. При этом на интерпретации респондентов тип их телесмотрения (целенаправленный или фоновый) не влиял.

Гипотеза о том, что «реклама использует ограниченный набор стереотипов «упакованных» в разные «обертки» в результате нашего экспериментального исследования не подтвердилась.

Мы предполагаем, что интенсивность сообщения на одну и ту же тематику, может усилить влияние этого сообщения на людей, создавая заданный образ рекламируемого объекта или ситуации. Человек в определенный момент начинает воспринимать рекламное сообщение стереотипно, а все похожие сообщения классифицировать схожим образом. Если это сообщение не «разбавляется» другими противоречивыми сообщениями или же «разбавляется», но с меньшей интенсивностью, то возможно, что стереотип быстрее и прочнее сформируется на то сообщение, которое чаще повторяется в эфире. Но при этом возможен и обратный эффект, если количество контактов с сообщением превышает 45-50% в соотношении с остальными сообщениями, то у реципиента это сообщение вызывает отторжение самого сообщения и всего что с ним связано.

В исследовании нами было зафиксировано несколько тенденций, которые мы сможем проверить в дальнейшей нашей работе, выбрав несколько иной инструментарий и объем выборки: 1) у людей с высоким уровнем дохода иное восприятие стереотипов, в большей степени выражена ориентация на престижность потребления; 2) образование человека влияет на количественный набор стереотипов и их качественный уровень, у людей с высоким уровнем образования более развито ассоциативное мышление, а стереотипы связаны с историческими, философскими, мифологическими, публицистическим, художественными и другими культурными ретроспективами; 3) установка человека в отношении рекламной продукции влияет на формирование у него того или иного стереотипа, так, резкая негативная установка может привести к формированию стереотипа противоположного тому, который заложен в рекламном ролике.

Литература:

1. Lippman W. Public opinion. N. Y., 1922
2. Демьянков В.З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов.
<http://www.infolex.ru/Cs23.html>
3. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969

НОВАЯ МОЛОДЕЖЬ: ЧТО И КАК ИЗУЧАТЬ

Паутова Лариса Александровна
Директор проектов Фонда Общественное Мнение
Доктор социологических наук

Поколение Next – версия 4.0

В ноябре 2009 г. завершилась **четвертая волна** уникального исследования молодежи, проводимого **Фондом Общественное Мнение** совместно с калининградским Фондом социологических и маркетинговых исследований в рамках гранта для некоммерческих организаций.

На этом этапе в исследовании приняли участие **1500** молодых людей в возрасте от **16 до 26 лет**, проживающих в 47 субъектах Российской Федерации (102 населенных пункта).

Основные выводы исследования

Молодежь и политика

- **Интерес к политике** среди молодежи 16–25 лет в целом невелик, однако в последние годы доля интересующихся политикой стабильно растет: за последнее десятилетие она увеличилась в полтора раза – с 31% до 46%.
- Уровень **заявленной политической активности** в широких кругах молодежи остается стабильно низким (не более 22–24%).
- Власть вызывает у молодежи значительное **доверие**. В сентябре 2009 г. юноши и девушки оценивали деятельность президента и правительства **более позитивно**, чем шесть месяцами ранее.
- Кризис негативно повлиял на оценки направления развития страны. Сегодня 50% молодежи считают, что Россия развивается в правильном направлении, тогда как год назад таковых было значительно больше (68%).

Молодежь и кризис

- **Молодежь в целом настроена оптимистичнее**, чем старшие поколения. Молодые более позитивно оценивают перспективы развития экономики и свое материальное положение во время кризиса.
- **Доли затронутых и не затронутых кризисом примерно одинаковы:** 51% респондентов сообщили, что финансовый кризис как-то сказывается на них, чуть меньше (43%) заявили обратное. Сильнее других ощущают на себе влияние кризиса представители возрастной когорты 21–26 лет, жители мегаполисов, низкоресурсные группы молодежи.

- Меньше других замечают кризисные явления молодые москвичи, юноши и девушки 16–17 лет, представители высокоресурсных групп.
- Полгода назад, в марте 2009 года, соотношение долей затронутых и не затронутых кризисом было примерно таким же.
- Нынешний сложный год в очередной раз показал, что обладание ресурсами (доход и место жительства) является своего рода **«подушкой безопасности»**, позволяющей относительно безболезненно переживать кризис.
- Нынешний кризис может стать для молодых кризисом жизненных планов. Сегодня примерно каждый четвертый нацеленный на образование молодой человек заявляет, что **кризис сказался на его планах продолжить это образование (26%)**. За полгода, с марта 2009 года, эта цифра существенно не изменилась. Примерно две трети студентов, обучающихся на платной основе, **говорят о повышении цен за обучение**.
- С ноября 2008 года **безработица среди молодежи 18–25 лет выросла в два с половиной раза**: с 7% до 16–18%. При этом большинство молодых безработных (до 80%) не регистрируются на биржах труда. О том, что сейчас, в условиях кризиса, найти работу стало заметно сложнее, говорят свыше трех четвертей опрошенных – это значительно больше, чем полгода назад. Чаще других о сложностях в поиске работы говорят юноши, представители низкоресурсных слоев молодежи, респонденты в возрасте 21–23 лет. Не нашли работу более половины от общего числа молодых соискателей – 62%, однако по сравнению с мартом эта доля сократилась.

Эмоции

- В настроениях молодых россиян, особенно принадлежащих к высокоресурсным группам, **преобладают положительные эмоции**. О негативных эмоциях говорит преимущественно молодежь, пострадавшая от кризиса, – в частности те, кто не смог найти работу за последние полгода.
- Любопытно, что **тревога и раздражение молодежи не приводят к формированию протестных настроений**. Возможно, это связано с тем, что протестная активность часто рассматривается как коллективное действие, а раздраженные и встревоженные молодые люди испытывают чувство отчуждения от других.

Трудовые стратегии молодежи

- Большинство участников молодежных опросов стабильно относят себя к людям, стремящимся сделать карьеру (66–72%). Чаще других так оценивают себя респонденты в возрасте 16–17 лет, молодые люди с высоким материальным уровнем, респонденты с высшим образованием, жители Москвы и больших городов.
- Основным критерием выбора работы по-прежнему является высокая заработная плата. Однако за год некоторые характеристики потенциальной работы – хороший начальник, возможность получить жилье, престижность – стали менее значимы. Возможно, именно **кризис скорректировал трудовые предпочтения молодежи**.
- По-прежнему **высок интерес молодежи к государственной службе**. Молодых людей привлекает не только работа в коммерческих организациях, но

и в органах государственной власти, правоохранительных органах и силовых структурах.

- В рейтинге **«работодателей мечты»** лидирующие позиции продолжают удерживать «Газпром», администрация президента, МВД, Сбербанк, «Лукойл», «Роснефть», РЖД, мэрия.

Единый государственный экзамен (ЕГЭ)

- Хотя споры о последствиях введения **единого государственного экзамена** в школах не утихают, значительная часть молодежи (40%) одобряют эту реформу; доля негативных оценок выше всего на 5 п.п. При этом те, кто уже сдавал экзамены по новой системе, отзываются о ЕГЭ позитивней, чем «сторонние наблюдатели». Так, среди сдававших ЕГЭ в школе (а это 42% участников молодежного опроса) доля положительных оценок ЕГЭ выше, чем в среднем по выборке (48% против 40%).
- Наивысший процент одобрительных отзывов среди сдававших ЕГЭ отмечен в городах с численностью населения от 50 до 250 тыс. человек. Возможно, жители этих городов считают, что благодаря новой экзаменационной системе перед ними открываются более широкие возможности для поступления в престижные вузы. А вот в Москве и малых городах преобладают негативные оценки.

Досуг и медиапредпочтения

- Разные возрастные группы молодежи различаются по своим **телевизионным предпочтениям**. У россиян 16–20 лет особой популярностью пользуются каналы развлекательного характера, в частности СТС и ТНТ, тогда как у более старших (21–26 лет) лидирует Первый канал, а развлекательные отступают на второе-третье место.
- Опрос показал повышенный интерес 16–20-летних к **получению информации через интернет**, что, как нам кажется, отчасти связано с учебой: более старшие представители молодого поколения реже указывали интернет как значимый источник информации.
- Любимые занятия молодежи – **общение с друзьями, спорт, кино, чтение и общение в интернете**. Главное различие между младшими и старшими возрастными группами молодежи – постепенное снижение интереса к спорту и танцам и рост интереса к кулинарии.
- У разных возрастных когорт различаются и рейтинги наиболее **посещаемых мест**. Юноши и девушки 16–17 лет чаще ходят на танцы, стадионы, в библиотеки, спортивные и развлекательные клубы, 24–26-летние – в кафе и рестораны, а также в баню и сауну.

Проект поддержан Фондом подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» (www.gosklub.ru) в соответствии с распоряжением президента РФ № 192-РП от 14 апреля 2008 года о государственной поддержке некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии гражданского общества.

СОСТОЯНИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОГО «СРЕДНЕГО КЛАССА»: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ

Дахин А.В.
Д.ф.н., проф., ВВАГС.
Нижний Новгород

Малый и средний бизнес: Диагностика регионального делового пространства и потенциала коллективного представительства³⁰.

Актуальные программы регионального и городского развития, в т.ч. официально провозглашенная задача преобразования «моногородов», если воспринимать их в свете «первой реальности» или онтологии социальной реальности, будут разворачиваться в пять измерений, из которых первое - «люди, локализованные во времени и пространстве, занятые совместной деятельностью» [Социология управления...2010. С.108], - определяет рамочную направленность настоящей статьи. Проблемное поле социологии управления, к которому относится материал изложения, - это вопросы управления отношениями [Социология управления...2010. С.110], а основным предметом анализа является социальная страта регионального малого и среднего бизнеса, так как именно она способна быстро реагировать на изменение рыночной конъюнктуры, способна формировать и заполнять новые ниши экономической активности, создавая новые товары, услуги, новые рабочие места и в целом - формировать социальный ландшафт города или региона. Дополнительную актуальность фокусировке внимания на малом и среднем бизнесе придаёт и то обстоятельство, что по данным Росстата [Социально-экономическое положение...2009], [Социально-экономическое положение... 2008], [Социально-экономическое положение... 2007], [Социально-экономическое положение... 2006], [Социально-экономическое положение... 2005] его основа, - малые предприятия, - с 2007 года сокращается (табл.1).

Таблица 1. Динамика изменения количества малых предприятий в 2005-2009 гг.

	Количество малых предприятий (тыс. ед.)					
	на 1 октября 2005 г.	на 1 октября 2006 г.	на 1 октября 2007 г.	на 1 октября 2008 г.	на 1 января 2009 г.	на 1 июля 2009 г.

³⁰ Материал подготовлен в рамках проекта, поддержанного РГНФ, № 08-03-00621а, № 09-03-00616а.

Российская Федерация	984	1031,5	1136,2	281,7	282,7	227,7
Приволжский федеральный округ	160,6	173,3	191,4	58,5	58,8	47,7
Нижегородская область	20,7	22,3	25,2	6,8	6,8	7,1

Система управления регионом, в котором действует малый и средний бизнес, должна иметь каналы подключения этой социальной группы к процессам выработки, принятия и реализации решений. Со стороны предпринимателей такое подключение, так или иначе, является частью их деловой активности. Поэтому для определения перспектив представительского участия малого и среднего бизнеса в системах регионального или городского управления необходима диагностика базовой основы этого участия – структуры делового пространства предпринимателей.

Структуре делового пространства предпринимателя мы рассматриваем как совокупность сетевых отношений предпринимателей с другими акторами, необходимыми для ведения бизнеса [Вельтер, Каутонен, Чепуренко, Мальева, 2004] которые формируются на основе делового габитуса предпринимателя. Деловой габитус предпринимателя - это совокупность периодически повторяющихся, устойчивых форм делового поведения предпринимателя в сфере его деловых отношений с другими людьми (другими социальными акторами), которые являются необходимой оснасткой его бизнеса и основой формирования его общественного признания. Особенность делового габитуса состоит в том, что он складывается из форм поведения предпринимателя как *должностного лица*, представляющего свою организацию в *публичном* деловом пространстве, и форм поведения его как *физического, частного лица*, представляющего лично себя и использующего/воспринимающего свои личностные отношения в качестве ресурса своего бизнеса и своего общественного статуса. Принцип взаимосвязи публичного и приватного пространств [Алексеева, 2005], [Дахин, 2008], положенный о основу дефиниции структуры делового габитуса, применим и для дефинирования структуры делового пространства, которое строится а) из публичных деловых отношений с другими акторами и б) из приватных деловых отношений с другими акторами. Диапазоны публичных деловых отношений и приватных деловых связей может быть более или менее широким, но в основе всей архитектуры лежит этот дуальный каркас.

Ключевой вопрос, который требует диагностики, состоит в том, в какой мере предпринимателями для сохранения и развития их бизнеса востребованы публичные (то есть институциональные, «правовые», прозрачные) формы деловых отношений и в какой мере востребованы приватные (то есть неформализованные, полу-законные или даже незаконные, непрозрачные) формы деловых отношений. Дело в том, что от этой «пропорции» зависит и то, какого рода будут востребованные бизнесом каналы подключения к системе регионального управления, будут это приватные каналы, основанные на ресурсах персонально-личностной доверительности и закрытой эксклюзивности, или это будут публичные каналы, основанные на ресурсах «институционального доверия» [Вельтер, Каутонен, Чепуренко, Мальева, 2004. С.14] и открытой соревновательности.

Рамочная структура регионального делового пространства предпринимателя описывается двумя пучками деловых отношений:

а) пучок **приватных** деловых отношений, включающий отношения: «Бизнес – помощь родственников», «Бизнес – помощь единоверцев», «Бизнес – помощь своей национальной диаспоры», «Бизнес – помощь друзей», «Бизнес – помощь одноклассников», «Бизнес – услуги за взятку», «Бизнес – услуги по «обналичке» (теневые финансовые операции), «Бизнес – помощь криминала»;

б) пучок **публичных** деловых отношений, включающий следующие отношения: «Бизнес – муниципальные власти», «Бизнес – региональные власти», «Бизнес – налоговые службы», «Бизнес – службы государственного надзора», «Бизнес – услуги банков», «Бизнес – биржевые услуги», «Бизнес – ГИБДД» (обеспечение безопасности на дорогах), «Бизнес – службы МВД» (обеспечение безопасности личной и для бизнеса), «Бизнес – судебные инстанции», «Бизнес – услуги кадровых агентств», «Бизнес – услуги транспортных агентств», «Бизнес – услуги организаций поставщиков товаров и материалов», «Бизнес – услуги частных охранных агентств», «Бизнес – услуги ломбардов», «Бизнес – услуги рекламных, PR агентств», «Бизнес – услуги связи», «Бизнес – услуги таможни», «Бизнес – услуги страховых организаций», «Бизнес – услуги микрокредитования», «Бизнес – помощь общественного объединения предпринимателей», «Бизнес – услуги консалтинговых организаций», «Бизнес – услуги естеств. монополистов в сфере ЖКХ», «Бизнес – услуги «бизнес-инкубаторов», «Бизнес – услуги агентств по недвижимости», «Бизнес – услуги образовательных учреждений», «Бизнес – услуги научно-исследовательских учреждений», «Бизнес – партнёрство с более крупными «игроками» в своём сегменте».

Ключевым для анализа эмпирических данных является выделение в структуре регионального делового пространства набора *базовых альтернатив поля деловых отношений предпринимателя*, - отношений, которые связаны с обеспечением доступа предпринимателя к таким ресурсам бизнеса, как административные, финансовые, коммуникативные и к ресурсам справедливого разрешения спорных ситуаций. В качестве набора базовых альтернативных (конкурирующих) мы рассматриваем следующие два блока отношений:

а) **блок отношений публичной сферы**: «Бизнес - муниципальные власти», «Бизнес - региональные власти», «Бизнес - услуги банков», «Бизнес - судебные инстанции», «Бизнес - услуги связи», «Бизнес - помощь общественного объединения предпринимателей»;

б) **блок отношений приватной сферы**: «Бизнес - услуги за взятку», «Бизнес - услуги по "обналичке"», «Бизнес - помощь друзей», «Бизнес - помощь родственников», «Бизнес - помощь криминала».

Сравнительный анализ данных по этим двум блокам позволит ответить на ключевой вопрос о том, имеет ли место смещение пространства деловой активности малого и среднего бизнеса из сферы публичных деловых отношений в область частных деловых связей. Альтернативность в данном случае означает, что в интересах сохранения бизнеса предприниматель делает ставку на одни **или** другие виды деловых отношений.

Качественный и количественный анализ отношения предпринимателей к значению различных видов деловых отношений был проведён в ходе глубинных интервью с предпринимателями Нижегородской, Самарской, Саратовской областей, а также Марийской и Мордовской республик. Интервьюирование

проводилось на основе формализованного опросного листа с закрытыми и открытыми вопросами. Опрос проводился в сентябре-декабре 2008 г. и феврале-марте 2009 г., всего было опрошено 80 человек, из которых 56% - владельцы бизнеса с численностью наёмных рабочих до 50 чел., 13% - владельцы бизнеса с численностью наёмных работников от 50 до 100 чел., остальные – топ-менеджеры и представители администрации частных предприятий. Глубинный опрос был нацелен, прежде всего, на выявление архитектуры регионального делового пространства малого и среднего бизнеса в формате базовых альтернатив (табл.2).

Таблица 2. Распределение оценок значимости региональных деловых отношений для сохранения и ведения бизнеса.

Вид деловых отношений	Распределение оценок (% от числа опрошенных)			
	Низкое значение	Среднее значение	Высокое значение	Нет ответа
Бизнес - муниципальные власти	7,5	22,5	43,8	26,3
Бизнес - региональные власти	11,3	17,5	48,8	22,5
Бизнес - услуги банков	7,5	10,0	60,0	22,5
Бизнес - судебные инстанции	12,5	16,3	42,5	28,8
Бизнес - услуги связи	5,0	22,5	51,3	21,3
Бизнес - помощь общественного объединения предпринимателей	18,8	15,0	30,0	36,3
Бизнес - услуги за взятку	25,0	11,3	21,3	42,5
Бизнес - услуги по "обналичке"	20,0	15,0	25,0	40,0
Бизнес - помощь друзей	5,0	20,0	38,8	36,3
Бизнес - помощь родственников	18,8	8,8	28,8	43,8
Бизнес - помощь криминала	23,8	6,3	11,3	58,8

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что структура регионального делового пространства малого и среднего бизнеса заметно смещена из сферы публичных деловых отношений в сферу частных деловых связей. Высокую и среднюю значимость отношений «Бизнес – помощь друзей» отметили 58,8 % респондентов, высокую или среднюю значимость отношений «Бизнес - услуги по "обналичке" (теневые финансовые операции) отметили 40 % респондентов, отношений «Бизнес - услуги за взятку» 32,6 % респондентов. Даже услуги криминала в качестве значимого для сохранения бизнеса отношения оценивают 17,6 % респондентов.

Ключевым с точки зрения институционального «подключения» делового пространства предпринимателей малой и средней руки к пространству регионального управления является сфера отношений «Бизнес – общественное объединение предпринимателей» и в целом отношение предпринимателей к вопросу об общественной самоорганизации. Из табл.2 просматривается неоднозначность, неопределённость отношения предпринимателей к значению своих региональных объединений подчёркивает то, что основными «точками» консолидации оценок являются позиция «высокое значение», - то есть уверенная позитивная оценка (30%), и позиция «Низкое значение» - то есть крайне скептическая оценка (18,8%). Последняя подкреплена ответом на открытый вопрос о том, «Какую роль в регионе играет деятельность общественной организации

предпринимателей?». В перечне вариантов ответа один из респондентов выбрал ответ «Другое (что именно?)» и написал: «Занимается болтологией».

О деятельности своих региональных объединений предпринимателей знают 61,3 % респондентов и только 8,8 % не знают об этом (табл.3). Достаточно выраженное большинство проявилось по вопросу о том, нужна ли общественная организация предпринимателей: 61,3% респондентов уверенно считают, что такая общественная организация нужна, 8,8 % не видят в ней необходимости, и 20 % затруднились с ответом (табл.4).

Таблица 3. Распределение ответов, отражающих знание о деятельности регионального объединения предпринимателей.

Знание о деятельности вашего регионального объединения предпринимателей	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Знают	61,3
Не знают	8,8
Нет ответа	10,0

Таблица 4. Распределение ответов, отражающих мнение о необходимости существования регионального объединения предпринимателей.

Нужна ли общественная организация предпринимателей в вашем регионе?	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Нужна	61,3
Не нужна	8,8
Затруднились с ответом	20,0

При анализе представлений о профессионализме предпринимателей (мы исходим из того, что участие в деятельности общественных организаций предпринимателей является обязательным элементом профессионализма бизнесмена), респондентам были заданы вопросы о формах участия в деятельности общественных организаций предпринимателей. Таблица 5 показывает, что опираться в своём деловом поведении на утверждённые сообществом предпринимателей нормы делового поведения, определённо готовы только 31,3% респондентов.

Таблица 5. Распределение оценок необходимости опираться на утверждённые сообществом предпринимателей нормы делового поведения.

Отношение к положению о необходимости опираться на утверждённые сообществом предпринимателей нормы делового поведения	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Согласен	31,3
Наполовину согласен	42,5
Не согласен	15,0
Нет ответа	11,2

Таблица 6 показывает неоднозначность отношения респондентов к финансовому участию в деятельности общественной организации

предпринимателей, только третья часть (31,3 %) респондентов, однозначно согласны с необходимостью этого. То же касается вопроса о необходимости сознательной самореализации предпринимателей через проекты общественного объединения предпринимателей (табл. 7) и вопроса о нацеленности на выполнение социальных функций в регионе (табл. 8).

Данные таблиц 5, 6, 7, 8 позволяют заключить, что уверенное согласие по ключевым вопросам деятельности организаций предпринимателей продемонстрировала только около трети респондентов. Ещё примерно третья часть лишь частично согласна с такими убеждениями и, следовательно, пока что не является готовым ресурсом развития региональных организаций предпринимателей. Остальные, тоже около трети, выразили принципиальное несогласие, а потому представляют собой часть предпринимателей, склонных к поиску и использованию индивидуальных способов сохранения своего бизнеса.

Таблица 6. Распределение мнений по вопросу о финансовом участии в целенаправленной деятельности сообщества предпринимателей региона.

Отношение к положению о финансовом участии в целенаправленной деятельности сообщества предпринимателей региона	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Согласен	31,3
Наполовину согласен	33,8
Не согласен	21,3
Нет ответа	13,6

Таблица 7. Распределение мнений по вопросу о сознательной самореализации предпринимателей в проектах сообщества предпринимателей региона.

Отношение к положению о сознательной самореализации предпринимателей в проектах сообщества предпринимателей региона.	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Согласен	31,3
Наполовину согласен	33,8
Не согласен	21,3
Нет ответа	13,6

Таблица 8. Распределение мнений по вопросу о нацеленности предпринимателей на выполнение определённых социальных функций в регионе.

Отношение к положению о нацеленности предпринимателей на выполнение определённых социальных функций в регионе	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Согласен	35,0
Наполовину согласен	36,3
Не согласен	17,5

Нет ответа	11,2

Отношение к общественной организации предпринимателей высвечивается более рельефно в ситуациях решения практических задач. В этой связи респондентам был предложен вопрос «Если Вам необходимо установить новые деловые отношения или получить новые услуги для Вашего предприятия, какие действия вы предпринимаете?». При этом предлагалось меню из 12-ти действий + 1 открытая позиция. По каждому из действий предлагалось оценить частоту его использования (по шкале от «низкая» до «высокая»). Среди предложенных закрытых позиций была такая: «Обращаюсь к организациям, входящим в мою бизнес-ассоциацию». Распределение ответов по этой позиции представлено в табл. 9. Оно позволяет заключить, что лишь около 20 % респондентов часто идут по этому пути, решая проблемы своего бизнеса. Примерно столько же пользуются этой помощью редко, чаще обращаясь к альтернативным источникам помощи, а около 25 % оценили свою частоту обращения за такой помощью как «среднюю». Значительная часть участвовавших в опросе – около 40 % - никогда не пользуется этим источником. Структура оценок по этому вопросу свидетельствует о достаточно высоком разбросе мнений предпринимателей, об отсутствии консолидированной позиции. При этом в поле мнений можно наметить две линии консолидации. Одна – это консолидация на позиции «никогда», вторая – это консолидация в зоне позиций «часто» и «средне». Как и в вопросе о значении отношений «Бизнес – общественная организация предпринимателей» (табл.2), это альтернативные «точки» консолидации. Для сравнения приведём данные распределения оценок, отражающих частоту обращения за помощью к единоверцам (табл. 10), которые свидетельствует о высоком уровне консолидации мнений респондентов в одной «точке».

Таблица 9. Распределение оценок частоты обращения за помощью к организациям, входящим в объединение предпринимателей региона.

Обращения предпринимателей за помощью к организациям, входящим в объединение предпринимателей региона	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Часто	21,3
Средне	25,0
Редко	17,5
Никогда	36,3

Таблица 10. Распределение оценок частоты обращения за помощью к единоверцам.

Обращения предпринимателей за помощью к единоверцам	Распределение ответов (% от числа опрошенных)
Часто	2,5
Средне	1,3
Редко	18,8
Никогда	77,5

Членство в общественной организации, по мнению респондентов, по-разному значимо для социального статуса представителей малого и среднего бизнеса: для социального статуса представителя среднего бизнеса такое членство считается более важным, чем для представителя малого бизнеса (табл. 11). Слабое значение фактора

Таблица 11. Распределение оценок значения членства в региональном объединении для социального статуса предпринимателя

В какой мере членство в региональном объединении определяет социальный статус предпринимателя в регионе?	Распределение ответов (% от числа опрошенных)	
	Для малого бизнеса	Для среднего бизнеса
Сильно определяет	21,3	35,0
Средне определяет	33,8	30,0
Слабо определяет	42,5	12,5

Рисунок 1.

членства в организации предпринимателей для социального статуса представителя малого бизнеса отметили чуть более 40 % респондентов, а для представителя среднего бизнеса – только 12,5%. В то же время высокое значение фактора членства в организации предпринимателей для социального статуса представителя

малого бизнеса отметили около 21% респондентов, а для представителя среднего бизнеса – 35%.

Отношение к конкретной пользе объединений предпринимателей воспринимается респондентами не однозначно, в среде предпринимателей нет консолидированного мнения по ряду существенных аспектов деятельности общественных объединений предпринимателей, что отражается на удовлетворённости их деятельностью.

Соотношение значимости и удовлетворённости отражено на рис.1, из которого видно, что в сравнении с «треугольником значимости», «треугольник удовлетворённости» смещён своими значениями в сторону низкой (28,8 %) и средней (23,8 %) оценок. Названное смещение свидетельствует о достаточно глубоком скептическом отношении к этой институциональной форме активности предпринимателей.

Выводы эмпирической части.

1. Заметная часть деловых отношений, необходимых для сохранения и ведения бизнеса, строится на неформальных, непрозрачных персонально-личностных договорённостях и поддерживают теневые финансовые схемы и коррупционные сделки. По данным глубинного интервью более чем для третьей части респондентов эти отношения обладают высокой или средней значимостью, что следует понимать таким образом, что более трети предпринимателей намерены решать проблемы бизнеса с помощью этих отношений.

2. В среде регионального малого и среднего бизнеса отсутствует выраженная консолидация оценок значимости общественной организации предпринимателей для решения вопросов сохранения и развития бизнеса. В составе регионального предпринимательского сообщества существует три группы. Первая - группа *«активистов-общественников»* - это те, кто высоко оценивает роль помощи общественной организации в вопросах сохранения бизнеса предпринимателей и одновременно отмечают высокую удовлетворённость деятельностью своих региональных объединений предпринимателей. Вероятно, эта группа в среднем составляет около 13-15% предпринимателей, её представители считают участие в деятельности регионального бизнес-сообщества неотъемлемым признаком профессионализма современного бизнесмена. Вторая группа - *«скептики-индивидуалисты»*, это те, кто низко оценивает роль помощи общественной организации в вопросах сохранения бизнеса предпринимателей и одновременно отмечает низкую удовлетворённость деятельностью региональных объединений предпринимателей в своих регионах. Для регионов Приволжского федерального округа, предположительно, эта группа составляет около трети предпринимателей, а её ядро образуют около 8-10% предпринимателей. Представители этой группы не считают участие в деятельности общественной организации признаком профессионализма в бизнесе. Третья группа – *«не уверенные»*, они дают средние оценки значимости и удовлетворённости деятельностью региональных бизнес-ассоциаций и не уверены в важности участия в их деятельности для профессионализации предпринимательской деятельности. Это достаточно аморфная группа, которая в зависимости от вектора изменений регионального делового климата будет частично перетекать либо в группу *«активистов-общественников»* либо в группу *«скептиков-индивидуалистов»*.

2. Группа *«активистов-общественников»* при решении проблем своего бизнеса в большей мере ориентируется на использование ресурсов публичных

отношений и, следовательно, заинтересована в повышении уровня социального доверия в этой сфере своих деловых отношений в регионе. Группа «скептиков-индивидуалистов» при решении проблем своего бизнеса в большей мере ориентируется на ресурсы своих частных отношений, а потому не является источником заинтересованности в развитии публичной деловой региональной инфраструктуры и не нуждается в повышении уровня социального доверия в публичной сфере деловых отношений.

3. Группы «активистов-общественников» и «скептиков-индивидуалистов» отражают две альтернативные региональные стратегии обеспечения выживания бизнесменов малой и средней руки. Одна – стратегия, опирающаяся на развитие публичной деловой инфраструктуры региона, предполагающая повышение прозрачности, технологичности, профессионализма и, в этом смысле, конкурентоспособности своего бизнеса. К этой стратегии тяготеет группа «активистов-общественников». Вторая – стратегия, опирающаяся на ресурсы частных связей в деловых отношениях, она сторонится прозрачности и технологичности, не особенно нуждается в профессионализме. К этой стратегии тяготеет группа «скептиков-индивидуалистов».

Заключение.

Перспективы городского развития и, соответственно, перспективы развития системы управления городским развитием в большей мере могут быть связаны с укреплением и развитием в среде предпринимателей малой и средней руки группы «активистов-общественников».

Необходимым условием её развития является формирование такого регионального делового климата, при котором публичные деловые отношения будут становиться продуктивнее частных деловых связей.

Формирование и укрепление группы «активистов-общественников» потребует совершенствования региональных политических институтов представительства и участия в региональной публичной политике, потребует перевода системы управления региональным развитием из режима «government» в режим «governance» [Сморгунов, 2008. С.35] с активно развитым плечом горизонтальных форм управления.

Источники:

Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Философские науки. М., 2005. № 3. С.26-39; № 4. С.5-15.

Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // Экономическая социология. Т.5. № 2. Весна, 2004. С. 13-36.

Дахин А.В. Социальная инициатива в стратифицированном социокультурном пространстве современной России: Искание пути от идеи до действия // Диалог мировоззрений: поиск стратегии в пространстве инициатив и движений. Н.Новгород: ВВАГС. 2008. С.16-21.

Сморгунов Л.В. Способности региональной власти к политике развития // Региональная Россия – 2008: Политика, деловой климат и социальные процессы в сравнительной перспективе. Информационный бюллетень НИЦ СЭНЭКС. Апрель-ноябрь, 2008. Н.Новгород: ВВАГС, 2008. С.34-37.

Социально-экономическое положение в России – 2009 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2009. (Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/IssWWW.exe/Stg/d08/pred-3.htm)

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2008 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2008. (Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_20/IssWWW.exe/Stg/god/p/4-4.htm)

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2007 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2007. (Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_20/IssWWW.exe/Stg/god/p/4-4.htm)

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2006 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2006. (Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_20/IssWWW.exe/Stg/4kw/p/04-31.htm)

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2005 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2005. (Режим доступа: <http://www.gks.ru/bgd/regl/okruga05/IssWWW.exe/Stg/4kw/p/4-21.htm>)

Социология управления: стратегия, процедура и результаты исследований / Тихонов А.В. – отв.ред. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010.

МАТЕРИАЛЫ К ВИДЕО-ИНТЕРВЬЮ

Артуро родригес морато – профессор социологии барселонского университета (Испания) вице-президент международной социологической ассоциации

P: Making impact on the society in what extend it can intervene the practical policies or should it be independent from what's happened in the society to be nutral, judge... of you know the referee of what's happening in the society

A: I think traditionally sociology more than all social sciences has been involved it the society has had the interest the thrus of changing societies in someways so this is part of our roots and we are constituted on all new generations ... this interest, this duty of sociology, but is realy difficult to find the good place for doing this because it the same time it's very important to have some distance from the in the public sphere, some distance from the politicians, from the different interest organized in the society. so we must protect, as much as possible our a scientific bays, scientific institutional bays – this is fundamental... but We though going outside from the society always looking to important things to important problems in society. I don't think it's a contradiction that is not possible to overcome, we can find ways and our history has many cases of good practice of sociology maintaining autonomy and in the same time commitment the society

Никита Евгеньевич Покровский: На каком расстоянии должна быть социология в обществе: должна ли она вмешиваться в политику или оставаться независимым судьей происходящих в обществе событий?

Артуро родригес морато: На мой взгляд, социология исторически сильнее вовлечена в общество, чем остальные социальные науки – она интересуется изменениями в обществах. Это часть наших корней, и мы основаны на всех новых поколениях - это интерес, это долг социологии. Однако по-настоящему сложно найти место для осуществления этого, потому что в то же время очень важно иметь дистанцию от публичной сферы, некоторую дистанцию от политиков, от различных групп общественности. Таким образом, мы должны защищать, как только возможно, наши научные границы, научные институциональные границы – это основное. Но в то же время, выходя из общества, мы все равно смотрим на важные проблемы в нем. Мне не кажется противоречивым то, что не возможно превзойти. Мы можем найти выходы, и в истории есть масса хороших примеров практики социологии, поддерживающей автономию от общества и в то же время сохранения обязательств перед ним.

Майкл Буравой – профессор социологии калифорнийского университета в Беркли (США), Вице-президент международной социологической ассоциации

What I gonna talk about this now you know that. So the question is this: how should sociology shape society? Or how can sociology shape society?

- Both
- Both... AAA
- Sociology all began as the discipline that was always engage the sociology of Marx, Weber, and their kind. they engage sociology to actually bring about social change and the best tradition of the sociology have done so. I think for my point of view thinking the way that sociology can chage society the one I call the policy sociology in which sociologist can find some climes Can going some problem. And we are sociologist tryng to solve the problem. Sometimes legitimate solution that have already been proposed . the other way I've been propounding a few years now – is on public sociology. That we sociologists organized public discussion about basic fundamental questions of the society, of the direction to the society. This is more dialogic relationship between sociologists and publics. And I think that those two forms inter... engagement with society can only take place if only we have substantial professional sociology that actually develops researche, programs and paradigms. So that professional sociology has existed for many decase now 150 years and we have an almost body of sociological knowledge. And I think what keeps and energize going forward is an engagement with policy and public. Though we need to develop four types of sociology that I called critical sociology. That actually .. to integrations the foundations of professional sociology. And these four types of sociology together form the discipline of sociology. And the idea of sociology: it should walk on four legs. And there should be some interdependents among of all this four types. The should be interconnected and communicate with each other. That is my vision of sociology.

М. Буравой: И так о чем мы здесь сейчас собираемся говорить. И так вопрос в том: как социология должна формировать общество? Или как социология может формировать общество?

Н.Е. Покровский: И то и другое!

М. Буравой: и то и другое! АААА

Вся социология начиналась как дисциплина, увлекаемая по следам Маркса, Вебера и Дюркгема и т.д. Она описывала социальные изменения. И лучшая социологическая традиция строится на этом. У меня есть свой взгляд на социологию – она может менять общество. Такую социологию я называю прикладной. Здесь социологи ищут различные цели, пытаются решить различные проблемы, иногда легитимизируя вынесенные решения. Другой тип социологии – о котором я говорю последние несколько лет – публичная социология. В ней мы, социологи, выносим на дискуссии фундаментальные вопросы и направления общества. Данная социология предполагает осуществление диалога между социологом и публиками. Но в то же время, эти две социологии могут существовать только в том случае,

когда мы уже имеем профессиональную социологию, занимающуюся исследованиями, программами и парадигмами. Она существует вот уже 150 лет и образует тело социологического знания. В то же время источником энергии и дальнейшего развития прикладной и публичной социологии выступает критическая социология. И все эти четыре вида социологии вместе образуют социологическую дисциплину. А идея социологии в том, что она должна передвигаться как раз на этих четырех ногах. И в ней обязательно должна быть взаимозависимость четырех выделенных видов социологического знания. Они должны коммуницировать и быть взаимосвязанными друг с другом. Вот так я представляю социологию.

КРИС ВАН КОППЕН

О задачах социологии

Я думаю, что общество и социология могут развиваться двумя способами. Первая задача социолога состоит в том, чтобы раскрывать динамику. Это больше всего связано со статистическими исследованиями всех видов социальных процессов. Это исследования с сильной эмпирической базой. Они в большей степени открывают, что происходит в обществе, находят новые тенденции, находят новые механизмы, которые лежат в основе таких вещей как экономический рост, занятость и, конечно же, устойчивость.

Другая задача социологии – вступать в дебаты с обществом. Я думаю, что социологи – это не только ученые, которые регистрируют то, что происходит в социуме. Они также вступают в дебаты. Они могут играть роль в политических дебатах на любых уровнях, не только на уровне государства, но и на уровне гражданского общества. Я могу играть важную роль в различных экологических организациях, участвуя в дебатах. Конечно же, между этими 2-мя ролями существует взаимозависимость.

Об экологической социологии

Социальная наука приобретает важную роль в поиске решения экологических проблем. Мы знаем, каковы эти проблемы с естественнонаучной точки зрения, но мы до сих пор не знаем, как их решить с экономической или социальной точки зрения. Конечно же, экологические проблемы связаны с другими социальными проблемами. Социальная наука играет важнейшую, очевидную роль в определении того, что собой представляют экологические проблемы, особенно в случае с Россией. Определенно, изменения в окружающей среде связаны с другими проблемами общества: экономическими, безработицы, демократизации. Все эти темы неразрывно связаны между собой. Поэтому если Вам необходимо интегрированное, междисциплинарное видение, социальная наука позволяет совместить эти механизмы с интегративными стратегиями, чтобы решить экологические проблемы.

- Как Вы считаете, должна ли экологическая социология концентрироваться на конкретных экологических проблемах или быть независимой?

Я думаю, здесь работает то же, о чем я говорил вообще о социологии. В первом случае специалисты по социальным наукам должны проводить эмпирические исследования, которые показывают, какие процессы и механизмы центральны в определении данных проблем, какие механизмы являются причиной этих проблем, и как мы можем решить их. Это исследовательский вопрос. И также у нас есть дискуссионный вопрос, где как мне кажется, специалисты по общественным наукам могут играть важную роль внутри организаций различных типов: государственных, экономических, бизнес, гражданского общества. Они могут играть роль организаторов дискуссий. Конечно, это не реальное вмешательство, а лишь представление точки зрения, которая поможет найти некое решение. В дискуссиях по социальным проблемам участвуют не только специалисты по общественным наукам, но их роль велика, поскольку они приносят знания, полученные в ходе их эмпирических исследований.

Луис Шовель

Социология в обществе... В какой степени ее можно «застраховать» от влияния общества, обеспечить независимость от того, что происходит в политике, например?

Мы должны быть внутри общества, потому что мы находимся внутри общества.

Каким образом? Любыми способами, мы должны быть учеными, мы обязаны использовать независимые научные аргументы. Теории должны основываться на измерениях социальной реальности, измерениях фактов и т.д.

Мы должны быть внутри общества, для того, чтобы быть учеными. Настоящими учеными.

Прощу прощения, что так консервативен в этом вопросе.

Я не думаю, что социология как-то зависит от культуры, философии или религии. Мы – социологии, которые являются учеными в полном смысле слова.